

АРТУР БОНДАРЕНКО

КЛИНЧ ЗА ЖИЗНЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Артур Бондаренко

Клинч за жизнь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70594438

SelfPub; 2024

Аннотация

Викентий с детства был слабым, рос без отца и во всём слушался мать-учительницу. Казалось бы, что этот хлюпик потерял в секции бокса? Но парень, хоть и не слишком крепок, готов тренироваться до седьмого пота, даже когда мир засыпает, он продолжает свой бой с тенью. Однако жизнь бьёт сильнее любого бойца, и, повзрослев, Викентий наконец понял, в чём заключается подлинная жестокость спорта. Ему придётся вытерпеть немало ударов, пролить немало крови и слёз, перед тем, как в защите противника появится брешь. Но что если настоящий противник – это сама судьба?

Содержание

Пролог	4
Глава первая: Семья Кривоносовых	8
Глава вторая: Викентий Брынзарь	47
Глава третья: Идальго	68
Глава четвёртая: Африка	96
Глава пятая: Леонид	128

Артур Бондаренко

Клинч за жизнь

Пролог

Моё писательство – ничто. Вот мой бокс – это всё!

Эрнест Хемингуэй

Ну, здравствуй, неизвестный читатель! Я не знаю, кто ты, чем занимаешься и как именно ты нашёл этот рассказ. Да мне, если честно, наплевать. Главное, что моя история не будет забыта.

Прости за резкое начало, незнакомец, и поверь, что вышесказанное не является способом самоутверждения и ни в коем случае не хамством, просто сам факт, что я, тридцатисемилетний неудачник, возможно, впервые в жизни добился поставленной цели, заставляет меня расплываться в мальчишеской улыбке. Поверь, читатель, мне далеко до тех великих авторов, смотрящих на грязь внешнего мира с воображаемого пьедестала. Да я, в общем-то, никакой и не автор, а этот рассказ – мой второй литературный опыт за всю жизнь (первый был в детстве, когда я вёл дневник).

Моё существование протекает в однокомнатной квартире на третьем этаже дома, который уже давно надо бы снести. На стенах наклеены обои, пожелтевшие от советского клея, а

на полу – ни единого ковра. В холодильнике только растворимая лапша и пара яиц.

Несмотря на безвкусный вид моей квартиры, в ней всё-таки есть несколько элементов, отличающих её от истинной обители уныния: советская мебель в виде двух столов и трёх табуреток; шкаф в коридоре, набитый старыми книгами; клетчатая сумка с одеждой; семейные фотографии в деревянных рамочках, размещённые по всему дому, и вершина бытового олимпа – стиральная машина, бывшая в употреблении. Ещё есть диван голубого цвета с нарисованными мотоциклистами и следами от засохшей слюны. На нём спит мать, а я сплю в кухне на раскладушке.

Готов поспорить, что автор, который живёт с матерью и питается всякой дрянью, уже не кажется тебе высокомерным, не так ли, дорогой читатель? А ещё (тебе это должно быть интересно) каждый день я аккуратно усаживаюсь в кухне, кладу рядом с собой словарь Ожегова и принимаюсь за чтение какого-нибудь романа, взятого в библиотеке. После я сажусь на расшатанную табуретку перед письменным столом и от руки пишу этот рассказ, чтобы по завершении распечатать его в ближайшем интернет-кафе. Вот и вся моя карьера.

Я уже чувствую, как у тебя на губах застыл вопрос: почему человек, живущий в такой нищете, вообще способен улыбаться? Всё дело в самоиронии. Одна из немногих вещей, которой меня научили поражения, – это то, что смеяться никогда не зазорно, даже если смеёшься ты, по сути, над самим

собой.

Чтобы было понятнее, я постараюсь ещё красочнее описать тебе картину, которая мне кажется самой гротескной. Итак, представь: ты отпихиваешь дверь в главную комнату... да, именно отпихиваешь, а не открываешь – ведь в этой квартире ручка есть только на входе. Ты заходишь и первым делом спотыкаешься об открытую сумку с мятой одеждой.

Затем ты осматриваешься... но осматривать особо нечего, кроме голубого дивана, столика с табуреткой и ржавых батарей. Ты опрокидываешься на диван, от которого ломит спину, и резко поднимаешься. Тебе хочется взглянуть на вид из квартиры, но окна обклеены раритетным выпуском «Авроры».

Вдруг ход твоих мыслей обрывается, и ты понимаешь, что в комнате ещё кто-то есть. Над письменным столом заметна чья-то сгорбленная фигура. Ты видишь, как высокий смуглый мужчина сидит на перекошенной табуретке и с задумчивым видом что-то пишет. По правую руку у него чистые листы, а по левую – кулёк со стержнями для ручки. Ты приближаешься к этому странному персонажу и начинаешь его разглядывать. А там есть на что посмотреть: помимо банальной худобы, мешков под глазами, кривого носа и бритой головы у мужчины ожог на левом плече и большой шов на правой части спины, чуть выше поясницы. Его грудь украшает свежая татуировка с надписью: «Live Fast Die Young». А лицо-то какое страшное... одни зубы чего стоят! Нет, у этого мужика

не рот, а какой-то музей стоматологических ошибок! Один передний зуб сточен, как клык, другой – розового цвета, а два коренных вообще отсутствуют. В сравнении с этим маленький шрам на его щеке выглядит симпатично.

Теперь понимаешь, откуда берётся самоирония? Не знаю, удалось ли мне тебя рассмешить, неизвестный читатель, но я практически уверен, что этот образ ты не скоро забудешь. А впрочем, пора нам покинуть тесную комнатку писателя и переместиться в другое место. Это недалеко, буквально в паре сотен метров отсюда.

Глава первая: Семья Кривоносовых

Бокс – лучшая школа жизни.

Джек Лондон

Эта история началась на центральной улице города Унгены в 1962 году. Здесь в трёхкомнатной квартире двадцатипятилетний инженер делает предложение своей возлюбленной, молодой студентке педагогического вуза. Первые несколько лет брака эти двое были примером для каждого молодого человека в городе, особенно после того, как их фотографию напечатали в одном из выпусков местной газеты.

Это произошло совершенно случайно: пока молодожёны ворковали на балконе второго этажа, их заметил местный фотограф. Ничего не сказав, он притаился (наверное, за ветвистым виноградом), сделал снимок и ушёл незамеченным. Кадр получился отменный: высокий брюнет аристократичной внешности нежно поправлял вьющиеся локоны своей возлюбленной. Она опиралась руками на кованую решётку с красивым орнаментом и улыбалась мужу. Всё это на фоне листьев винограда. Когда фотография попала в газету, эта пара сразу же стала негласным символом любви, а сам снимок – унгенской версией «Похищения Психеи».

Время шло, мужчина стал лучшим архитектором города, а женщина – уважаемой учительницей. Настало время для новой фотографии – на этот раз с ещё одним лицом. На месте этого лица муж видел пухлую мордашку мальчика, а жена – розовое личико девочки. Но детей у них не было. Никто не разбивал предметов, не разрисовывал стен и не плакал по ночам. В итоге царящая в доме тишина превратилась в адское безмолвие, и супруги уже не могли спать спокойно. Чтобы избавиться от этого дьявольского парадокса, муж напивался перед сном, а жена, которую отвращал запах алкоголя, просто смирилась с бессонницей. Да и что толку спать, если вместо этого можно всю ночь грезить о маленькой дочурке с розовыми щёчками. Правда, жене не всегда удавалось спокойно мечтать из-за разборок с пьяным мужем. «До сорока лет я удочерю девочку», – говорила она себе и продолжала терпеть унижения, измены и побои своего мужчины.

Мечты об удочерении так и не сбылись, потому что супругам после тринадцати лет тщетных попыток удалось зачать ребёнка. Нетрудно догадаться, как отреагировала на эту новость будущая мать и как отреагировало зоркое советское общество.

Жене не было дела до сплетен, да и муж, как показало время, изменился. Он больше не унижал супругу и даже проявлял искорки заботы. В представлении жены эти искорки были залогом будущего семейного очага, но не тут-то было: после шести месяцев молчания из тела сухопарого инжене-

ра вылез настоящий зверь, подпитанный алкоголем и колкими замечаниями собутыльников насчёт «волшебной беременности».

Вся накопленная ярость была выпущена в одном убийственном порыве. Целую ночь беременная женщина бегала из комнаты в комнату, кричала и безуспешно пыталась добраться до открытого окна, чтобы позвать на помощь. Когда муж настигал её, она обхватывала живот обеими руками и терпела побои. Затем мужчина успокоился. Он пошёл спать, а жена валялась на кухне с разбитым лицом. Услышав его храп, она поднялась на колени и на цыпочках вышла из квартиры. В одной ночнушке женщина похромала в сторону восходящего солнца, где находилась больница.

На полпути её подхватил милицейский «Уазик» и повёз в травматологию. Попытки допроса не увенчались успехом: женщина отвечала коротко и невнятно, в словах чувствовалась паника. Чем дальше они ехали в машине, тем страшнее были картины, списанные с реальности и дорисованные её воображением: женщине чудилось, что муж бил не её, а их новорождённую дочь. В одной из сцен жена лежала на полу перед кухней, будто парализованная, в то время как здоровый садист избивал грудного ребёнка на кухонном столе. Мать видела, как лицо плачущей девочки покрывалось синяками, как пухлые губки рвались и из них брызгала кровь, а когда муж швырял дочь на пол, она слышала хруст маленьких рёбер.

Галлюцинации сломили женщину. В кабинете у врача она захлёбывалась в слезах и чуть ли не теряла сознание. Всё было как в тумане. Она не слышала, как врач диагностировал перелом носа и вывих левой ноги, однако два слова донеслись до неё чётко: «Надо рожать».

– Что, что вы сказали?

– Я говорю, рожать надо, Наталья Максимовна, – подтвердил доктор.

– А ребёнок... что будет с ним? Я ведь ещё на седьмом месяце...

– Да не переживайте вы, здесь знаете сколько семимесячных рождаются! Так что вы уж погостите у нас пару дней, а потом можете и домой возвращаться.

Женщина действительно ожила, вплоть до того, что по дороге к своей койке она уже почувствовала лёгкие схватки.

Через пять часов родился ребёнок. Это был мальчик. Мальчик с пухлыми щеками, которого когда-то хотел муж. После тщательного осмотра врач не обнаружил ни единого изъяна у новорожденного, и мать вздохнула с облегчением. Оставалась одна проблема: как назвать малыша? В мирные времена супружества родители решили разделить эту задачу между собой: муж должен был придумать имя мальчику, а жена – девочке. Но теперь, когда супруг потерял право на отцовство, нужно было думать самой. Тогда мать пошла на хитрость: она назвала сына «Викентий», но всегда ласково сокращала это имя как «Вика».

На следующий день пришли милиционеры. Те самые, которые подобрали её, идущую по улице с окровавленным лицом. На этот раз допрос прошёл удачнее: женщина описала акт домашнего насилия в мельчайших подробностях. Новопечённая мать подошла к этому вопросу серьёзно – никакого волнения, никаких слёз. Оно и понятно, ведь задетое женское самолюбие пересилил материнский инстинкт. Женщина знала, что её муж опасен, а значит, от него следует избавляться. Выйдя из больницы, она завела уголовное дело, тем самым заставив мужчину подписать документы о разводе и отказе от отцовства. Он не сопротивлялся, даже отказался от имущества, уволился с работы и уехал куда-то на Украину.

Надо сказать, что с ролью матери Наталья Максимовна справилась почти безупречно. Я говорю «почти», потому что навязчивая идея о розовощёкой девочке всё ещё не давала ей покоя. К счастью, проявлялась эта идея только в мелочах. Например, многие горожане удивились, когда заметили козынку на голове маленького Викентия. Ещё больший эффект вызвала его щегольская коляска с бантиками по бокам и розовой подушкой. В некотором смысле у Натальи Максимовны был повод для гордости: ведь такой роскошью не обладала ни одна девочка в Унгенах.

Мать, конечно же, безумно любила своего сына, но с каждым днём ей становилось всё труднее разглядеть нежность и утончённость в этом смуглом, тёмноглазом пацанёнке. По-

этому, когда малыш подрос, Наталья Максимовна отбросила идею феминизации сына. Теперь женщина решила вырастить юного гения или, по крайней мере, будущего интеллектуала. Викентий сам себе читал сказки перед сном, практически не общался с «плохими ребятами» во дворе и любил одну маму. А когда мальчик пошёл в школу (где русский язык преподавала Наталья Максимовна), у него не было друзей. Ни одного. Только книги.

Несмотря на свою непопулярность, Викентий получил больше прозвищ, чем кто-либо из одноклассников. Сначала мальчика звали просто «Вика»; в десять лет он стал «Краснозубым» (один из клыков окрасился в лёгкий розовый цвет из-за неудачного использования резорцина советскими дантистами); а в семнадцать – «Кривоносовым». Последнее прозвище Викентий, можно сказать, унаследовал от матери, которую по возвращении из декретного отпуска ученики дразнили именно так. Для женщины перекошенный нос был напоминанием о муже, а для её сына – объектом гордости.

Но не будем забегать вперёд и продолжим повествование с момента, когда Краснозубый после многих лет одиночества наконец-то ощутил значимость живого общения. Викентий был тогда в девятом классе и готовился к экзаменам. Книги больше не спасали его, а параллельные реальности, описанные в романах, больше не отвлекали от одиночества. Мальчик пытался влиться в коллектив, но ситуация только усугубилась – теперь сына кривоносой училки открыто ненавиде-

ли. Всеобщая неприязнь приняла форму откровенной травли. Её зачинщиком стал низкорослый парень по фамилии Пчелоед.

Этот юноша был воплощением колхозного Наполеона. В чём бы ни заключалось соревнование, Пчелоед хотел быть первым. Дети видели в нём пример для подражания: староста класса, отличник, самбист. Помимо этого он был гениальным стратегом – Пчелоед знал, с кем и как надо дружить, над чьими шутками смеяться и кого бить, чтобы завоевать авторитет. Этот парень был похож на одного из тех детей в детском саду, которые много месяцев не издают ни звука, чтобы однажды сразу начать разговаривать предложениями. В начальных классах он неприметно сидел за партой и собирал информацию о том, как устроена школьная иерархия, с целью позже использовать эти сведения в своём возвышении. Нетрудно догадаться, насколько изменился характер Пчелоеда после того, как незрелые умы провозгласили его королём: он стал чаще противиться учителям, начал зажимать старшеклассниц на переменах и взял привычку раздавать пощёчины направо и налево. Я думаю, где-то в глубине души Пчелоед осознавал, что лучшего периода в его жизни не будет. Поэтому он так противился общению с Викентием. Ведь только сын училки имел смелость не подчиняться королю и при желании мог свергнуть его с пьедестала.

Пчелоед точил зуб на своего одноклассника не первый год. Ещё бы: в то время как староста шёл по головам и уни-

жался ради лучшей оценки, Викентий хорошо учился без особого энтузиазма. Однако, несмотря на всю желчь, которая в нём копилась, Пчелоед не мог избить Вику среди белого дня. Он слишком боялся влияния Кривоносовой. Поэтому и началась травля, с провокациями, издёвками, подколами, а иногда и массовым бойкотом. Пчелоед был настолько изощёрён в своих пытках, что даже подговорил всех одноклассников избегать Краснозубого, как прокаженного. Долго идея не протянула, но представьте, каково было Викентию! Я уверен, каждый из вас сталкивался, а возможно, и затевал подобные забавы над не вписавшимся в коллектив меланхоликом.

«Надо бы с ним разобраться», – говорил Пчелоед своему однокласснику, а также лучшему другу по кличке Шарпей. Изначально его прозвище пошло от внешности (широкий нос, маленькие уши), но, с какой стороны ни посмотри, такая кличка подходила парню как нельзя лучше. Об этом можно было судить хотя бы по его дружбе с Пчелоедом, которая больше напоминала отношения между хозяином и его питомцем. Такой пёс был полезен старосте класса: ведь только Шарпей не боялся лаять на преподавателей, кусать старших или писать исподтишка на чей-то ковёр. В знак благодарности Пчелоед помог ему найти девушку и окончить школу с парой четвёрок в аттестате.

Итак, если Пчелоед отличался хитростью, а Викентий – загадочностью, то Шарпей был прост как две копейки. Един-

ственное, чем запомнился одноклассникам этот персонаж, был его смех, пропитанный тупостью, и коронная фраза: «Я – дурак».

Надеюсь, теперь вы понимаете, как отреагировал такой человек на предложение разобраться с Викентием. Цепной пёс услышал команду, и реакция последовала незамедлительно. После урока физкультуры Шарпей затолкал Викентия в раздевалку и, прижав к стене, начал разговор, больше похожий на допрос с пристрастием:

– Ты это чё в баскетбол с нами не играешь? Ты чё, думаешь, раз мать училка, то пятак по физре так и так выйдет? Кривоносова прикроет или как? – сказал Шарпей, акцентируя внимание на последнем предложении. Он рассмеялся, мельком взглянул на парней в раздевалке и продолжил:

– Ну чё?!

– Играть не умею, – ответил Викентий.

– Чё, чё?

– Я играть не умею... х-хорошо играть, как вы.

– Ты, Викусь, чё-то попутал, да? Я не пойму, мы тебя чё, недостойны как-то или чё? Не такие мы, а? – за этими словами последовал фирменный смешок, и Шарпей резко толкнул Викентия, который спиной врезался в металлическую напольную вешалку.

Мальчик попытался сбежать, но задел агрессора плечом. Шарпей ухватился за возможность потасовки и симулировал тяжелое падение. Такого эффекта Викентий не ожидал,

и вместо того, чтобы скрыться или атаковать, он оцепенел от страха.

– О-о! Так вот ты, значит, как, да? – сказал Шарпей, ухмыляясь ещё сильнее. Он выпрямился, толкнул Викентия и стал бить его по лицу. Никто не встревал. Даже когда Викентий свернулся в позе зародыша, а Шарпей склонился над ним с кулаками. Даже когда Викентий заплакал и тихо спрашивал: «Зачем?», а его ухмыляющийся противник кричал: «Ты так, да? Так, да?!» Даже тогда никто не встревал.

Шоу одного боксёра (Шарпей, несмотря на хлипкое телосложение, с детства ходил в секцию бокса) завершилось, как только зрители стали покидать помещение. Последним вынесли «тренировочный снаряд». Вернее, не вынесли, а он сам ушёл домой. В этот день Викентий впервые прогулял уроки.

От произошедшего мальчик оправился только к вечеру, когда с работы должна была прийти мать. Гордость не позволяла ему прятаться под женской юбкой, поэтому он думал, как замаскировать синяк под глазом и царапины на красивом, пока ещё прямом, носу. Спрятать раны от дотошной матери у него не получилось. Назревал серьёзный разговор.

– Мальчик мой, мальчик мой, – сказала Наталья Максимовна со слезами на глазах, – бедненький мой... скажи только, что за изверг это сделал? Ты поэтому сбежал с уроков, да? Подожди, Вика, ты обработал раны? А лёд приложил? Ой, да что же я тебя-то спрашиваю.

Викентий не произнёс ни слова и тем самым выиграл немного времени. Пока мать впопыхах искала аптечку и раскалывала лёд из холодильника с неисправной дверцей, мальчик успел придумать убедительную (как ему казалось) отговорку.

– Спирт кончился, – сказала Наталья Максимовна, стоя с открытой бутылкой водки в одной руке и пакетиком со льдом в другой, – хорошо ещё, что водка есть. Правильная мысль мне пришла: пусть мы не пьём, но выливать-то всё равно жалко. Видишь, пригодилась.

Женщина приложила кулёк со льдом к глазу сына и смочила водкой кусочек бинта. К поцарапанному носу мать подбиралась с осторожностью сапёра.

– Если будет печь или щипать, ты не молчи, чтобы я подуть успела. А то тебе со льдом над глазом дуть не слишком удобно, а если вовремя меня не предупредишь, то, когда йодиком зальём, будет очень сильно щипать, – сказала мать и после недолгой паузы продолжила: – Скоты! Ах, какие же всё-таки скоты эти твои одноклассники! Это Пчелоед с тобой сделал, да? Ему кто-то помогал? Ты только не волнуйся, родненький, не переживай. Если понадобится, у тебя полкласса неаттестованными останутся.

– Успокойся, мамочка, – пробормотал Викентий, – никакой это не Пчелоед. И вообще, всё не так, как ты думаешь. Мы с ребятами просто в баскетбол играли. Я чуть не отобрал мяч у Васи, а он развернулся и задел меня локтем.

– Какого ещё Васи? Корбу, что ли? Ну, я этому двоечнику устрою...

– Да, Вася Корбу. И не надо ничего устраивать и ни с кем говорить. Мне ведь было совсем не больно. Мы даже игру не прервали. И правильно сделали, а то без меня наша команда точно бы проиграла, – сказал Викентий, в то время как мать смотрела ему прямо в глаза. – Пожалуйста, мама! Я только подружился со всеми, пожалуйста!

Наталья Максимовна, при всей своей твёрдости духа и внешней строгости, никогда не умела сопротивляться просьбам сына. Наверное, потому что он никогда ничего не просил, кроме книг.

– Ладно, ладно. Раз уж ты обыграл этого Корбу, значит, и выяснять нечего. Я даже рада, что мой сын сумел постоять за себя и не ввязаться в уличную разборку. Настоящий мужчина!

От последних слов Викентию стало не по себе. Мальчик резко обнял мать, выхватил у неё кулёк со льдом и забежал в свою комнату под предлогом усталости. Викентий рухнул на голубой диван с нарисованными гонщиками, уткнулся носом в подушку и зарыдал. В последнее время мальчик плакал всё чаще, но так грустно ему не было давно. Подумать только, его двадцать минут избивали на глазах у всей мужской половины класса, а он плакал из-за того, что солгал матери и не оправдал её надежд. Слова «постоять за себя» и «настоящий мужчина» трезвонили в голове Викентия, как церков-

ный колокол в воскресное утро. Мальчик знал, что этот звон не скоро затихнет, но он был прав только наполовину. На самом деле этот звон не затихнет никогда.

До окончания второго полугодия оставалось рукой подать, и в то время, как одноклассники волновались по поводу предстоящих экзаменов, Викентий оставался равнодушным. Такие вещи больше не беспокоили его.

Побои и унижения стали ежедневным ритуалом. Поначалу мальчик пытался найти в себе силы сопротивляться этому натиску. Он закалял характер всеми способами, которые вычитал из книжек или придумал сам. Так, Викентий завёл правило бить себя по лицу после каждого проявления слабости. Но это не помогло. Другой идеей было заключить «клятву на крови с самим собой». Викентий осуществил эту затею в два этапа: сначала он написал на картонке: «Клянусь всегда твёрдо стоять за свои идеалы, как настоящий мужчина», а затем порезал ладонь кухонным ножом и скрепил договор кровью. Мальчик спрятал этот пакт под диван, наивно полагая, что в следующий раз, когда к нему кто-нибудь пристанет, он вспомнит о картонке с каплями крови, и это наполнит его сердце мужеством. Но идея не сработала, и Викентий впал в отчаяние.

«Хорошо, что Пчелоед предупредил всех не бить меня по лицу, – думал мальчик, – теперь хоть мама волноваться не будет». За последние пару недель он всё чаще задумывался о

самоубийстве. Среди всех способов ему импонировало удушье. Это не так страшно, как порезанные вены, и никому не придётся вылавливать его труп из реки. Попытки повеситься на собственном ремне (с мылом и верёвкой Викентий не хотел экспериментировать) длились целую неделю, но каждый раз, когда кислород в лёгких заканчивался, а глаза вот-вот вылезали из орбит, Викентий ослаблял кожаный пояс и скидывал его с шеи. Ему не хватало мужества даже на самоубийство.

Наталья Максимовна чувствовала изменения в характере сына и пыталась установить их причину, но после каждого разговора Викентий ещё сильнее замыкался в себе. Поэтому мать решила не докучать ему. «Грусть пройдёт вместе с гормонами», – думала Наталья Максимовна.

Викентий тоже считал себя обузой для матери и намеренно дистанцировался от неё. Вирус депрессии поразил его сердце, и больше всего на свете Викентий боялся заразить свою мамочку. Чтобы этого не произошло, он стал чаще выходить из дома. Викентий мог часами бродить по незнакомым улицам – настолько иссякла его воля к жизни. Именно так он нашёл место, куда его по-настоящему влекло.

Конечно, Викентий не предполагал, что когда-нибудь этот нищенский подвал, обустроенный под секцию бокса, станет для него роднее дома. Пока он просто смотрел на молодых ребят, которые всё время что-то делали: то избивали грушу, то отжимались, то били друг друга в перчатках, то рассекали

ударами воздух. Вот она, кузница мужественности! Вот где надо было закалять характер!

Бокс стал дефибрилятором для его атрофированного сердца, и хотя Викентий понимал, что одних взглядов в немытое окно недостаточно для выздоровления, он не осмеливался записаться в секцию.

Все экзамены прошли скучно, за исключением последнего. В тот день мать была ассистентом в параллельном классе и должна была выйти пораньше. Но, как всегда, из-за чрезмерной заботы она опоздала и даже не успела прогладить рукава на рубашке сына. «Ты ведь наденешь пиджак, так что всё равно никто не увидит», – сказала мама перед уходом. Но Викентия эти слова не успокоили. Он терпеть не мог, когда в огород матери какой-то невежда осмеливался кинуть камень, поэтому парень твёрдо решил завершить её дело. Так как времени было мало, пришлось гладить рубашку на себе. В результате Викентий выжег часть правого рукава, а на плече образовался ожог в форме африканского континента. Об этом, конечно же, узнала только мама, так как испорченного куса рубашки не было видно под пиджаком.

Летом у Викентия появилось больше свободного времени, но он продолжал сидеть на лавочке и нерешительно смотреть в окно любимого подвала. Однажды тренер заметил паренька и предложил ему зайти. Помещение оказалось ещё меньше, чем он предполагал (высотой не больше двух с половиной метров), хотя чувство тесноты, скорее всего, появи-

лось из-за большого количества труб, обмотанных скотчем и стекловатой.

Но не это удивило Викентия. Самой странной ему казалась музыка, звучащая из магнитофона. Мало того что песни были на незнакомом языке, так ещё и каждое пятое слово сменялось женскими стонами. До того момента пятнадцатилетний Викентий ещё никогда не слышал, чтобы кто-то так игриво кричал. Наш герой ещё не знал о привычке тренера ставить кассету «Секс Драйв» (сборник эротических композиций), когда в зале мало людей.

Викентий решил устроить себе экскурсию по подвалу. С левой стороны находилась силовая зона: там лежала штанга с большими приваренными дисками, железный блин и две гири разных размеров. Рядом с ними была шведская стенка, канат, привязанный к одной из труб на потолке, скакалка и две скамьи, на которых отсиживались спортсмены. Справа находилась бойцовская часть. Там проводилась отработка ударов на двух грушах (привязанных к верхней трубе по принципу каната), спарринги и «бой с тенью» перед зеркалом. Конечно, о «спаррингах» или «боях с тенью» наш герой ещё понятия не имел. Он видел, как два парня дерутся в перчатках и как взрослый мужик репетирует удары перед зеркалом. Зрелище было потрясающее.

Викентий уже собирался идти дальше, как вдруг наткнулся на самую интересную часть зала – плакаты и статьи про боксёров. Когда парень оглянулся, он увидел, что вырезки из

газет и журналов расклеены по всему помещению. «И как же я раньше их не заметил», – подумал Викентий и стал читать про чернокожего боксёра с мусульманским именем.

– Ну как, всё осмотрел? – раздался добродушный голос из-за спины.

Это был голос тренера, мужчины со смеющимся взглядом и большими залысинами. В свои тридцать пять он выглядел старше, но в душе так и остался двадцатилетним боксёром.

– Нет. А там что? – Викентий положил руку на большую трубу, разделяющую зал как шлагбаум.

– Там раздевалка. Прыгай, посмотришь!

Викентий снова удивился, узнав, что так называемая «раздевалка» даже не отделена от главной комнаты стеной. А если в подвал нагрянет чья-то мать или сестра? Хорошо, что девушки не интересуются боксом. Когда Викентий перелез через трубу, ему сразу бросились в глаза крючки для одежды, прибитые к стене гвоздями. Под ними была скамейка, а с другой стороны находился умывальник (главный источник питьевой воды) и медицинские весы, которые выдерживали груз до 160 кг.

– Так что, понравился наш зал? – спросил тренер.

– Да, интересно тут.

– Ну, раз интересно, тогда бери спортивный костюм и приходи после обеда. Уже занимался где-нибудь?

– Занимался... в смысле спортом?

– Конечно, не танцами же, – рассмеялся тренер, – ладно,

вижу, что зелёный ты ещё. Ничего, в этом возрасте не страшно. Давай пообедай, передохни со школы и дуй сюда. А там уж мы посмотрим, что за зверь в тебе сидит.

Викентий постарался не показывать своего счастья, но, как только он вышел из подвала, его колени затряслись, сердцебиение участилось, а глаза заблестели. Как только мальчик добрался домой, он за пару минут сложил спортивный костюм в сумку и побежал на тренировку.

– Ого, быстро ты! – сказал тренер при виде вспотевшего Викентия.

– Да... я живу рядом.

– Ладно, шустряк, дуй переодеваться. Будем считать, что разминку ты уже сделал. Как говорится: до первого пота, хе-хе.

Викентий повиновался, а тренер отошёл к другим подопечным, но о мальчике тоже не забыл и периодически поглядывал на его тощую фигуру в раздевалке. Когда Викентий подошёл, тренер обучил его прямым ударам. На это ушёл час. Ещё час Вика проводил «бой с тенью» перед зеркалом. За это время он успел столкнуться с главным боксёрским испытанием: с нехваткой кислорода. Окна в подвале были забиты гвоздями, поэтому воздух поступал только из открытой двери. Викентий видел, как после часа тренировки парни выходили на улицу подышать. Но он был новеньким, поэтому не решился последовать их примеру.

Викентий закончил тренировку, переоделся и направился

к выходу, как вдруг его перехватил тренер:

– Ну, понравилось здесь? Если понравилось, приходи завтра с деньгами за месяц. Перчатки можешь первое время не покупать – у меня тут найдётся пара-другая. А, и ещё кое-что. Когда будешь сидеть дома и ковырять пальцем в носу, можешь поработать над прямыми. Смотри, как это делается.

Тренер подошел к стене у лестницы, встал у её угла и начал набрасывать джебы. Смысл упражнения простой: надо проводить прямые так, чтобы рука не задевала острый угол.

– Теперь ты попробуй.

Викентий попытался повторить успех наставника, но в основном только бился локтем об угол. Мальчик пошёл домой, полный решимости не ложиться, пока не выполнит своё домашнее задание.

Дома его встретила мать. Впервые за долгое время Викентий сам пошёл с ней на контакт. Он рассказал ей о секции, о первой тренировке и немного о Мохаммеде Али. Наталья Максимовна оценила его энтузиазм, но бокс – это слишком. Она хотела направить интерес Викентия в другое, менее опасное русло. Но сделать этого мать не смогла – сверкающие глаза сына ослепили её. «Всё-таки не так уж это и плохо. Походит мой мальчик пару недель на бокс, позанимается физкультурой да и вернётся к учёбе. Не будет же он всю жизнь перчатки носить», – думала Наталья Максимовна, лёжа в постели. Она не знала, что в это время её сын отрабатывает прямые удары на кухне (чтобы не привлекать внима-

ния, он даже выключил свет).

На следующий день Викентий продемонстрировал результат ночных тренировок.

– Уже не так плохо, – сказал тренер. – Исполнение не самое правильное, да и силёнок не хватает, но как набьёшь руку – удар станет получше. В конце концов, не чемпионом будешь. А кстати, пока не забыл. Раз уж ты записался, тебе нужна крутая боксёрская кликуха. А то имя у тебя сложное, пацаны у нас точно не оценят. Ну, ты сам подумай, его даже сокращать сложно: Бенедикт... это получается Беня или как? Если хочешь, мне вчера тут один малый идею подкинул, будем звать тебя «Африка». Ну, знаешь, ты смугловатый, да и ожог у тебя прямо точь-в-точь Африка. Серьёзно, прямо как будто с атласа содрали. Ну так что, согласен?

Викентий согласился. В конце концов, «Африка» действительно звучит приятнее, чем «Краснозубый» или «Вика». И уж тем более Бенедикт.

На самом деле новое прозвище не очень интересовало мальчика. Его больше задело слова: «Не чемпионом будешь». Он и сам удивлялся, почему его так взволновало недоверие наставника, ведь замечания учителей он пропускал мимо ушей. Викентий ещё не осознавал, что бокс – его новая религия. При этом он каждый день посещал свою спортивную церковь, в точности следовал проповедям тренера и поклонялся иконам с изображениями святых в боксёрских перчатках.

Мировоззрение Викентия действительно изменилось: он всё время думал только о боксе. Всё, что не касалось бокса, стало второстепенным. Викентий читал только спортивные журналы, а его любимым фильмом стал «Рокки». Слушая музыку, он представлял себе сцены боёв, а во сне грезил о победах.

После нескольких недель парень научился азам (ударам, уклонам) и повторял их с маниакальной методичностью. Правда, по ночам он больше не засиживался (тренер сказал, что для полного восстановления организму требуется 8–10 часов сна). Викентий перестал шататься по улицам – каждую секунду он хотел посвятить либо оттачиванию навыков, либо отдыху. Всё лето мальчик работал как проклятый: по утрам он бегал; в обед занимался на турнике и брусьях; в шесть часов начинал тренировку в зале; а вечером, если хватало сил, повторял удары перед зеркалом. Но этим трудоголизм не ограничился, и Викентий завёл новое правило: превращать любую активность в тренировку. Надо было пройтись – он бегал; надо было помочь маме донести продукты с базара – он выхватывал все пакеты и поднимал кульки к груди, тем самым качая бицепсы. Даже в троллейбусе Викентий никогда не садился и не держался за ручки. Чтобы не рухнуть, ему приходилось балансировать, и так он отрабатывал уклоны.

Парень знал о недостатке в силе и выносливости, но одну проблему ему никак не удавалось решить. Это был страх. Страх получить по голове во время боя. По этой причине

Викентий вытягивал левую руку и закрывал глаза, когда чей-то кулак летел к его лицу. Во время спаррингов ему проигрывали только ещё большие трусы. Страх перед дракой сидел глубоко в психике Викентия, и как только наступало время боя, – его конечности немели, а от прежней решимости оставались только мысли о бегстве. После одного из таких спаррингов тренер не выдержал:

– Да что с тобой такое?! Чего ты боишься, а? Чего?! Что морду разобьют? А?! – тренер ткнул пальцем в одну из газетных вырезок на стене. – Али, Фрейзер, все падали! Но потом они всё равно поднимались! Поднимались, бля!!! – мужчина яростно ударил грушу.

Все боксёры остановились и посмотрели на тренера. Атмосфера была настолько подавляющей, что, если бы в магнитофоне не играла зажигательная песня группы «А-ha», в зале воцарилась бы абсолютная тишина.

– Пока ты будешь бояться, любой мудака с сигаретой в зубах сможет унижить тебя. А ты будешь терпеть. Или полезешь в драку, сделаешь один удар и будешь смотреть на него, мол: «Извини, я не хотел тебя трогать».

Тренер разжал кулак и отошёл в другой конец зала. Мужчину было тяжело вывести из себя, а его советы, как правило, больше походили на анекдоты. Например, когда Викентий впервые встал у боксёрского мешка, тренер сказал ему: «Ну что ты её гладишь? С грушей надо пожестче, как с женщиной». Ещё у мужчины была привычка говорить: «Чего вста-

ли, как старые девственницы?», если парни не выкладывались в полную силу. А иногда, под конец тренировки, он ставил бодрящую музыку и сам под неё пританцовывал.

С того дня отношение к Викентию действительно изменилось: теперь его чаще ставили в спарринги. Противниками были не зелёные сверстники, а опытные мужики (некоторые из них были на двадцать килограммов тяжелее Викентия). Иногда тренер лично с ним дрался (не в полную силу, конечно). Надо признать, этот метод сработал, и к началу сентября Викентий уже не закрывал глаза и не вытягивал левую руку.

За прошедшие месяцы Викентий изменился до неузнаваемости. Во-первых, он отрастил длинные волосы (чтобы больше походить на молодого Сталлоне), а его тело стало крупнее и рельефней. Но самые большие перемены произошли в характере. Викентий больше не собирался терпеть унижения и планировал расквитаться с обидчиками. Его останавливали слова матери: «постоять за себя и не ввязаться в уличную разборку»; «быть настоящим мужчиной». К тому же Викентий слишком сильно любил бокс, чтобы марать руки в драках. Бокс был не инструментом для мести, а благородной целью. Поэтому, когда начался новый учебный год, ничего не изменилось. Викентия так же травили, а он так же не отвечал. Только теперь он не боялся агрессоров, а насмехался над ними.

Всё же у Викентия была гордость, и он придумал способ

разобраться с одним из обидчиков. Ведь Шарпей тоже занимался боксом... хоть и был для спорта ходячим позором.

Викентий не торопился с мезтью, так как хотел выиграть во что бы то ни стало. Парень решил, что бой пройдёт только после того, как он побьёт одного из пятёрки сильнейших боксёров в зале. До того момента Викентий игнорировал учёбу и тренировался как проклятый.

Только в середине марта он добился поставленной цели: его прямой удар разбил губу взрослому дядьке. Этого было достаточно. На следующий день, во время одной из перемен, Викентий проследил за Шарпеем, который вышел покурить вместе с лучшим другом.

– Чё надо, Вика? Зубов слишком много? Ну, ты подожди, ща пацаны докурят и помогут. Нам же не сложно, да, Пчелоед? – сказал Шарпей.

Староста улыбнулся и одобрительно кивнул.

– Ты ведь занимаешься боксом, да? – спросил Викентий.

– Хе-х, а ты чё, значит, хочешь...

– Если ты не трус, давай проведём бой, – перебил Викентий. – Настоящий бой в ринге.

Шарпей бросил сигарету и приблизился.

– Какой ринг? Какой бой? Ты чё, Вика, совсем...

– Успокойся, – сказал Пчелоед, а затем посмотрел на Викентия: – Ты что, уродец, тоже на бокс записался?

– Записался или нет, это не ваше дело. А кто тут уродец, мы посмотрим после боя, – произнёс Викентий и бросил

взгляд на Шарпея. – Если не согласишься, я всем расскажу, что ты трус.

– Ах, ты ж тварь!

– Заткнись, твою мать! – вновь перебил его Пчелоед и для верности вlepил ему пощёчину.

На это пёс не обиделся, а наоборот, отполз на пару шагов от хозяина. Пчелоед, в свою очередь, подошел к Викентию вплотную. Мальчик сжал губы. В горле у него застрял ком. Грозное лицо и вздутые вены на лбу Пчелоеда всё ещё выглядели устрашающе.

– Ты что себе надумал, ты, кучерявый кусок говна? Думаешь, можешь Шарпея побить, да? Ну ладно, хочешь бой – будет тебе бой. А ещё, раз уж ты такой уверенный в своих силах, мы сделаем вот что: если проиграешь, даёшь нам 50 рублей.

– А... а если... вы проиграете?

После такой дерзости у Пчелоеда ещё сильнее вздулись вены и выпучились глаза. Он начал глубоко дышать носом, словно бешеный бык. В это время прозвучал звонок, однако ни Викентий, ни Пчелоед его не слышали.

– А-ха-ха, так мы ещё и проиграем? Ну да, я ж забыл. Я ж забыл, что мы проиграем! Ладно, мудила, если побьёшь Шарпея, он заплатит. А чтобы ты не тьякал о нечестной борьбе, мы тебя даже пальцем не тронем. Только в ринге, как ты и хотел. Так что давай тренируйся, спортсмен херов.

Шарпей потянул Пчелоеда за плечо, и тот понял, что опаз-

дывает. Он отпихнул Викентия и ушёл. Мальчик ещё долго стоял на месте от осознания собственной крутизны.

Через несколько дней Пчелоед сам подошел к Викентию и начал разговор:

– Я договорился насчёт боя. Пройдёт двадцать девятого в зале Шарпея. Спортклуб «Победа» знаешь где?

– Разберусь. А точное время можешь сказать?

– Могу сказать, – огрызнулся Пчелоед, – три часа дня. Не дай бог, тебя там не будет. Я тебе, крысёныш, кишки на кулак намотаю! Понял?!

– Понял, – сказал Викентий. – Какие правила?

– Простые правила: драться будете в ринге, пять раундов по три минуты. Одна минута отдыха.

– Пять раундов? Не три? – удивился Викентий.

– Ну да, пять. Ты же сам хотел настоящий бой. Вот тебе настоящий бой, как у профессионалов. А ещё вы будете взвешиваться. У Шарпея 68 кило, так что если будешь весить больше семидесяти, считай, что просрал деньги. Понял?

– Понял.

На этом их диалог завершился, и с тех пор с Викентием никто не общался. Он догадывался, что Пчелоед не прекратит строить козни, но даже представить себе не мог какие.

В один из дней Викентий заскочил домой после школы и хотел побежать на тренировку, но не тут-то было...

– Где моя спортивная сумка?

– Я спрятала её. Больше ты не будешь ходить на свои тре-

нировки. Они плохо на тебя влияют, – сказала мать с безразличным выражением лица. – Когда ты записался на этот бокс, я молчала. Когда у тебя всё тело болело после тренировок, я молчала. Но сейчас, когда мой сын решил избивать людей в ринге, как необузданный дикарь, я молчать не буду.

Викентий был удивлён. Немного поразмыслив, он понял, из-за чего, вернее, из-за кого разворачивается вся эта драма. Значит, Пчелоед ей всё рассказал...

– Если ты не прекратишь свои занятия, я сама пойду в этот зал и лично поговорю с твоим тренером. Может, это тебя образумит.

Губы Викентия затряслись. Ему снова хотелось убежать в комнату и спрятать лицо в подушку. Сердце разрывалось между двумя главными ценностями в жизни: боксом и матерью. Викентий присел на кровать. Его глаза были безжизненны, а в голове творился беспорядок.

Мать больше не могла притворяться безразличной. Она села рядом с сыном и провела рукой по его чёрным кудрявым волосам.

– Вызвать на бой этого Корбу... ну кто тебя надоумил на такое? Твой тренер, да? Небось наплёл тебе, что так поступают «настоящие мужики»? Не переживай, мальчик мой, теперь всё будет как раньше.

Последнее предложение как будто разбудило Викентия. Он резко поднялся и заговорил:

– Всё будет как раньше? А может, я не хочу, чтобы всё

было как раньше! Может, я не хочу целыми днями бродить по улицам, как раньше! Я не хочу грустить, как раньше, я не хочу жалеть себя, как раньше! Мне не нужна такая жизнь!

– Вика! – вскрикнула мать и попыталась обнять сына, но Викентий оттолкнул её на кровать.

– Если хочешь знать, единственный человек, который мог меня надоумить, это ты! Уже не помнишь, как ты говорила мне, что надо быть настоящим мужчиной? Что я должен постоять за себя и не влезать в уличные драки? Так я же и не влезаяю! Я не набрасываюсь на людей, как животное, но и не позволяю оскорблять честь моей семьи!

Мать смотрела на него, как никогда раньше. Наверное, с уважением. Он и сам не ожидал такого всплеска эмоций, однако после небольшой паузы продолжил:

– Поединок состоится, хочешь ты этого или нет. Мне уже шестнадцать лет, и ты не вправе мне что-либо запрещать. А если пойдёшь в зал – я сбегу из дома. Найду работу в каком-нибудь городишке и продолжу боксировать.

Викентий заметил слёзы в глазах матери. Больше он не сможет ей противиться. Надо выйти из комнаты! Мама побежала за ним и обняла его в коридоре, когда Викентий уже собирался уходить.

– Можешь взять сумку, она под моей кроватью, – прошептала мать, – только обещай мне, что будешь беречь себя.

Викентий услышал, как мать рыдает на его плече, и повернулся к ней лицом. Он видел в её блестящих карих глазах

своё отражение и сам не смог сдержать слёз. В следующую секунду он крепко обнял мать и сказал:

– Обещаю. Ещё я обещаю, что буду больше читать. И оценки мои улучшатся, вот увидишь.

Ещё несколько минут они стояли в коридоре, пока Викентий не устыдился своих слёз и не побежал за сумкой. «Надо меньше плакать», – рассуждал он по дороге.

В зале Викентий первым делом разыскал тренера, чтобы поведать ему о предстоящем бое.

– Кидаловом попахивает, – сказал тренер. – Во-первых, тебя надули с весом. Если у противника 68, значит, он в полусредней категории, то есть до 69 килограмм. Ты сколько весишь?

– Семьдесят два, – ответил Викентий.

– Ладно, время у нас есть. Ускорим темп тренировок, и к двадцать девятому похудеешь как миленький. Ну, всё, хорош базар разводить. Дуй переодеваться, Рокки.

Тренировки действительно изменились: теперь они начинались и заканчивались бегом на ближайшем стадионе и длились три часа. После разминки тренер заставлял Викентия работать по принципу «суперсессии». Об этой системе мужчина (как он сам признался) прочёл в журнале по бодибилдингу и только сейчас решил применить её в боксе. Идея заключалась в том, что после выполнения одного упражнения спортсмен не отдыхает, а сразу же принимается за другое. Иными словами, как только Викентий заканчивал пры-

гать на скакалке, он незамедлительно цеплялся за канат и поднимался по нему десять раз. Затем – силовые упражнения. Викентий выполнял уклоны с десятикилограммовым блином на плечах, потом швырял его на пол и ложился спиной на скамью. Тренер подавал ему штангу, и Викентий делал «жим лёжа». Затем – отработка ударов. Первым упражнением был «бой с тенью», а вторым – повторение комбинаций на груше. Однако это были лишь цветочки по сравнению с тем, как проходили спарринги. Теперь Викентий дрался пять раундов вместо трёх, а во время минутного перерыва тренер заставлял его отжиматься.

Этот адский марафон изматывал Викентия настолько, что он даже забыл о предстоящем поединке (не говоря уже об учёбе). Поэтому, когда тренировки вернулись к нормальному режиму (за несколько дней до боя), парень чувствовал невероятный прилив сил. В последний день Викентий взвесился (он уже умел пользоваться медицинскими весами).

– Ну что, молодой, сколько там? – поинтересовался тренер.

– Шестьдесят восемь, – ответил Африка.

– Ну и ну, кто ж знал, что ты так похудеешь. Хотя, может, оно и к лучшему. Сила силой, а выстоять пять раундов способен далеко не каждый.

Последним изречением тренер привлёк всеобщее внимание. Дабы не подвести своих учеников, он дал им ещё один совет:

– Тут как с женщиной: можешь иметь хоть все тридцать сантиметров, но, если быстро кончаешь, любая баба от тебя сбежит. Правильно я говорю или нет?

Все рассмеялись и поддержали мужчину, кроме Викентия, которому воспитание не позволяло даже улыбнуться. Тренер подошел к нему и добавил:

– А если серьёзно, молодой, я давно заметил, как тебя трясёт.

– Ничего меня не трясёт.

– Не трясёт, но трусит! Вот что, если выиграешь этот бой, мы с мужиками возьмём тебя в сауну! Бабу тебе снимем, короче, сделаем боевое крещение по всем правилам!

– Да... да не нужны мне никакие бабы! – сказал Викентий, хотя в душе был польщён таким вниманием к своей персоне.

– Не спорь с тренером! – отвечали мужики.

Викентий переоделся и улизнул под дружный гогот. На улице его перехватили ребята из зала. Они были примерно его возраста, поэтому с ними парень общался больше всего.

– Эй, Африка, погоди. Слушай, а можно нам на этот бой посмотреть?

– Да, конечно, – сказал Викентий, – завтра мы с тренером встречаемся в зале в два часа, а потом идём в спортзал «Победа».

– Мы будем здесь в два, – ответил старший. Все остальные пожали Викентию руку и пожелали удачи.

Мать была немногословна. Обычно Викентия смутило бы

это, но сегодня он был сам не свой. Тысячи мыслей посещали его. Большинство основывалось на словах вроде: «не чемпионом будешь» и «настоящий мужчина». Действительно ли я настоящий мужчина? И почему мне не светит будущее в боксе?

На следующий день Африка уже не думал о будущем, а волновался насчёт предстоящего поединка. Викентий только сейчас понял, что, если он проиграет, ему придётся доставать целых 50 рублей. До той поры мальчик не задумывался о поражении, но сейчас мысль об очередном публичном унижении не давала ему покоя.

– Чего такой кислый? – спросил тренер.

– Просто так...

– Опять думаешь о всяком дерьме вроде «я ещё не готов» или «я точно проиграю»? Так вот что я тебе скажу, мыслитель, – произнёс тренер и положил ученику руку на плечо, – ты не проиграешь. Ты не проиграешь, даже если захочешь этого. Я точно знаю, потому что, кто бы ни был твоим соперником, его удары покажутся тебе удовольствием по сравнению с моими тренировками. Так что не забивай себе голову ерундой. Лучше подумай о том, сколько девчонок дадут тебе, когда узнают, что с ними в школе учится крутой боксёр с обалденным погонялом.

Для многих тренер был шутником, но Викентий видел в нём оратора. Его советы всегда придавали уверенности, а пошлые шутки охлаждали разум.

Викентий уверенно зашел в «Победу». Ещё бы ему быть неуверенным рядом с крутым тренером и верными друзьями. Этот зал был гораздо больше и чище, чем их подвал. Тут была «качалка» с уймой гантелей и несколькими тренажерами и зона единоборств с матами и новенькими грушами. Вместо газетных вырезок в «Победе» стоял шкаф с разными дипломами и медалями.

Но что самое главное, здесь были отдельные комнаты для раздевалок. Представляете: женская и мужская отдельно! К тому же в них работал душ! А в душе – горячая вода! Однако больше всего Викентия удивляло другое: почему Шарпей тренируется в таком месте? Как его вообще пустили в этот райский уголок? На тот момент Викентий не знал, что отец Шарпея работал в «Победе» директором.

Около ринга валяли дурака одноклассники. Рядом – Шарпей с тренером. Пчелоед стоял сзади. От всего этого Викентия должен был охватить мандраж, но не тут-то было! Сейчас его интересовал только ринг. Красно-синие канаты манили парня, и он изнемогал от желания как можно быстрее окунуться в пучину насилия. К сожалению, перед этим надо было переодеться и пройти взвешивание.

Когда Викентий и его друзья пошли в раздевалку, вместе с ними туда нырнул Пчелоед. Он, видимо, рассчитывал припугнуть бойца перед боем, но не решился заводить разговор при виде его свиты. Вместо этого Пчелоед неприметно стоял за железными шкафчиками и подслушивал. Выйдя из разде-

валки, Викентий заметил, как его тренер о чём-то беседует с неким бородатым мужчиной со свистком на шее.

Взвешивание прошло быстро, и спортсмены поднялись на ринг. Бородач тоже преодолел канаты. Он представился и назвал себя рефери. Затем бородач показал на судью – это был худощавый мужчина в очках, сидящий напротив ринга. Вместо ручки с бумагой он держал секундомер. Оно и понятно – если не будет нокаута, победу точно отдадут Шарпею. Зачем тратить время и считать очки? «Как только пройдут три минуты, судья крикнет: СТОП!» – пояснил бородач. Он долго объяснял правила, после чего начал представление:

– В красном углу ринга – молодой боксёр, гордость зала «Победа» и сын его директора Геннадия Корбу – Василий «Шарпей» Корбу!

Почти все зрители поддержали спортсмена, который улыбался, прыгал и набрасывал удары.

– В синем углу – его противник, перспективный спортсмен, а также одноклассник нашего Васи – Викентий «Африка» Брынзарь!

На этот раз в зале поднялся хохот. Сложно сказать, что именно развеселило одноклассников: прозвище Викентия или его внешность. Ведь он действительно выглядел нестандартно: повязка на голове (чтобы кудри не спадали на глаза), ярко-красные шорты в жёлтую полоску (как у Дольфа Лундгрена в фильме «Рокки-4»).

– Смотри не обосрись, Вика! – закричал Пчелоед.

Шарпей с его тренером засмеялись, однако не все оценили этот комментарий.

– Ты чё брякнул?! Ещё слово скажешь, и мы из тебя Вику сделаем, – сказал один из друзей Викентия и отпихнул Пчелоеда. Тот не стал терпеть и хотел развязать драку, но зрители разняли ребят.

– Не обращай внимания на всяких ушлёпков, – сказал тренер Викентию, когда тот подошел к своему углу. – Кстати, понравилось, как тебя объявили? Африка! Прямо настоящий боксёр! Это ведь я поговорил с судьей...

– Спасибо, – сухо ответил Викентий.

Его холодный взгляд был сфокусирован на противнике. Шарпей, в свою очередь, продолжал кривляться до того, как прозвучал свисток к началу боя. Соперники сблизились. Викентий протянул перчатку для приветствия. Шарпей отбил её и бросился в наступление. Он наносил удары один за другим, в то время как Викентий держал перчатки у лица. В основном противник целился в голову, поэтому защищаться не составило труда.

Викентий точно следовал указаниям тренера и бил «редко, но метко». Удары Шарпея были настолько предсказуемы, что Африка даже не тратил сил на лишние движения. Он уклонялся только в левую сторону и только после встречного бокового – чтобы ответить ударом в печень. Так прошли два раунда: Викентий протирал спиной канаты и держал руки у лица, а Шарпей красовался перед публикой.

– Начинай атаковать! – сказал тренер во время минутной паузы. – Бей по корпусу, так он долго не продержится.

Шарпей заметно подустал. Пора его дожать! После каждого удара в печень он опускал руки и получал боковой в голову. Теперь Шарпей стоял у канатов, а Викентий доминировал. Африка больше не закрывался, как черепаха в панцире, а резво уклонялся от размашистых ударов.

В четвёртом раунде бой походил на схватку между бешеным псом и парнем с электрошоком: Шарпей несколько раз чуть не отключился, а Викентий впервые не пропустил ни одного удара.

После перерыва бой продлился недолго. От нескольких апперкотов Шарпей закачался, а глаза его помутнели. Наступил момент расплаты! Викентий сжал правый кулак и приготовился бить, но вдруг перед глазами появился облик матери. Она смотрела на него с гордостью и говорила: «Ты – настоящий мужчина». Викентий успокоился и легонько толкнул Шарпея левой рукой. Противник сделал пару шагов назад и упал. Судья начал считать, но скоро заметил, что Шарпей не в состоянии продолжать. Бой был остановлен. В ту же секунду тренер лихо перепрыгнул через канаты. Он обнял Викентия за плечи и осыпал комплиментами. Быть победителем чертовски приятно!

Викентий спустился и принимал поздравления товарищей. Он был как старший брат, которого семья встречает с войны. Его тело гудело, голова болела, а под глазом точно

будет фонарь, однако ничего лучше Викентий никогда ещё не испытывал. Конечно, одноклассники не поздравили его. Боялись старосты. А ведь когда-то Викентий был таким же! Сейчас он с улыбкой глядел в выпученные глаза Пчелоеда, который скалился на всех подряд, пока его лучшего друга приводили в чувство.

Викентий, несмотря на боль, шел домой, приплясывая. Скоро мать узнает о его первой победе! Неожиданно чьи-то руки впилась ему в горло и повалили на землю. Несколько ребят обхватили его конечности, а их главарь прокричал: «Держите его, держите!» Это был Пчелоед. Он склонился над Викентием и долго бил его камнем по лицу.

– Думаешь, можешь побить Шарпея, а потом слинять, а?! Может, мне тебя ещё с победой поздравить, а?! Не дождёшься, уродец! Не дождёшься!! – сказал Пчелоед и продолжал наносить удары. – И не смей трепаться про 50 рублей. Услышу от кого-то, что ты чем-то недоволен, – разобью морду не только тебе, но и твоей мамаше, понял?! Ты понял меня?!

Викентий многое хотел и мог сказать Пчелоеду, но промолчал. Не от страха, а просто потому, что говорить не было смысла. Как ни крути, а в ринге победил Африка. Пчелоед мог убить его прямо сейчас, но это бы ничего не изменило. Победа есть победа. Викентий знал это, и поэтому, даже когда ему хотелось сжать губы от боли, он всё равно продолжал улыбаться. Пчелоед с трудом подавил свои кровожадные инстинкты и приготовился уходить. В последний момент он

оглянулся и плюнул Викентию в лицо.

По дороге домой наш герой старался остановить кровь и скрыть следы побоев. В витрине какого-то магазина он наконец увидел своё отражение. Его нос стал похож на разрушенную скалу в центре кровавого оползня. Такой след ничем не скроешь.

Дома Викентий сказал, что так его разукрасили во время боя. Мать очень волновалась и металась по дому в поисках аптечки, поэтому не смогла разделить энтузиазма сына. Однако через несколько дней они всё-таки отпраздновали его первую победу.

Когда Викентий вернулся в школу, его вместе с матерью начали называть «семья Кривоносовых». Но ему не было обидно. Новый облик нравился Африке гораздо больше прежнего. Каждый раз, глядя в зеркало, Викентий предвкушал будущие синяки и шрамы, и каждый раз он улыбался. Главное, чтобы это были шрамы победителя!

Об этом парне мне бы многое ещё хотелось рассказать. Например, как он отрабатывал удары перед зеркалом и случайно заехал сам себе по лицу, из-за чего кусок переднего зуба откололся. Или как он ночи напролёт читал романы о боевых искусствах. Или как он решил завести дневник для того, чтобы однажды написать роман с нехитрым названием «В ринге». Или как он разозлился после поражения и порвал дневник к чертям. Я мог бы рассказать вам о первой любви парня и о том горьком моменте, когда его девушку увёл Пче-

лоед. Но всё же я хочу, чтобы молодой боксёр Викентий, по прозвищу «Африка», запомнился вам именно тем парнем, который смотрит на свой сломанный нос в зеркало и не может перестать улыбаться.

Глава вторая: Викентий Брынзарь

Ты всегда говоришь себе: «Я брошу, когда начну сдавать». И вот однажды ты просыпаешься и понимаешь, что уже сдал.

Шугар Рэй Робинсон

Мы находимся в спортклубе «Титаниум». Несмотря на то, что сейчас два часа дня, зал пуст. Никто не занимается на тренажерах и не ходит по беговым дорожкам. Даже девочкам на рецепции разрешили покинуть рабочее место, потому что они, как и все, сгорали от нетерпения увидеть бой, который проходил в одном из залов для групповых программ. Там, на боксёрском ринге, сражались мы. Я и молодой боксёр с короткой стрижкой и мощным телосложением. Он был в другой весовой категории, но меня это не пугало. Каждый раз, когда противник наносил удар, – я моментально отвечал.

Моё преимущество было очевидным, поэтому бой решился во втором раунде. Противник лежал без сознания. В это время тренер неловко перелез через канаты и по традиции обнял меня. Его лицо было прорезано морщинами, а на голове почти не осталось волос.

– Я же говорил... последние неудачи – это пустяк. Конечно, пустяк! Али, Тайсон... они все проигрывали. Но потом всё равно возвращались. Я же говорил тебе, помнишь? –

спросил тренер.

– Помню.

Я протёр лицо и увидел девочку с рецепции. Она смотрела на меня блестящими глазами, в то время как её парень всё ещё лежал на ринге. Когда я прошел мимо, девушка шепнула: «Дождись меня в раздевалке». Ей было лет двадцать, но выглядела она старше (за счёт огромной груди и ранних морщинок). Несмотря на это, мне очень хотелось «дождаться её». За то время, что я провёл в душе, мой соперник успел очнуться, переодеться и пойти домой. Его девушка вела себя осторожно. Она появилась в раздевалке только после того, как убедилась, что, кроме меня, здесь никого нет. Я уже оделся и начал собирать вещи, когда её нежные руки обхватили мой торс.

– Ты зря оделся, – сказала белокурая бестия с непрокрашенными корнями и повалила меня на гимнастическую скамейку.

– А если кто-нибудь зайдёт? Или твой парень узнает?

– Я заперла дверь. А насчёт парня ты не волнуйся. Мне нужен победитель, а не тот, кто валяется на ринге, – ответила девушка и погладила мою бритую голову.

Она медленно раздевала меня с игривой улыбкой на лице. Перед этим не устоял бы ни один мужчина, поэтому я схватил её за волосы и поцеловал в шею. Её огромная грудь сводила меня с ума, и, когда мои губы впились в неё, всё вокруг захлестнул туман. Больше не было ни раздевалки, ни девоч-

ки с рецепции. Только темнота. А в темноте – возбуждённый сорокалетний мужик, проснувшийся в холодном поту.

Из соседней комнаты доносятся крики. Нормальный человек поспешил бы, но мне это ни к чему. Я знаю причину этих криков, и это далеко не первая ночь, когда они лишают меня сна. Я включаю свет, надеваю шорты, иду в зал. Источник шума должен быть там. Картина в гостиной многим показалась бы странной, но не мне. Я уже привык видеть, как пожилая женщина в ночной рубашке бьётся в закрытую дверь балкона и орёт дурным голосом:

– Помогите! Помогите, люди добрые! Пожалуйста, позвоните в милицию! Прошу вас!!

Её взгляд растерян, кожа иссохла, руки разодраны в кровь. Я включаю свет. Женщина оборачивается. Она смотрит с презрением и задаёт свои стандартные вопросы:

– Где Вика? Где мой сын Викентий? Куда вы его отвезли?

– Успокойтесь, Наталья Максимовна. Ваш сын в лагере. Помните, мы говорили об этом? Меня зовут Виктор, моя задача – присматривать за вами.

– Это не так... я знаю, вы что-то с ним сделали! Вы что-то сделали с моим мальчиком!! – сказала женщина и принялась дальше тянуть дверную ручку.

Волноваться незачем: балкон закрыт на замок. Чтобы не напугать женщину, приходится красться. Оказавшись достаточно близко, я хватаю её за плечи и тащу в спальню. «Угломони свою припадочную!» – орёт один из соседей в разби-

тое окно. Старуха дерётся, кусается и извивается, как змея, но отпускать её опасно. Я говорю ей, что всё в порядке, но в душе корю себя за то, что не купил пачку димедрола и не скормил ей пару таблеток за ужином.

И вот мы в спальне. Я подпираю дверную ручку стулом и долго втираю женщине историю о том, что её сын уехал в лагерь, а меня наняли следить за ней. «Вы не помните, как сами предложили мне присмотреть за вами?» – говорю я, пока она ошарашенно смотрит в мои глаза. Если бы у неё осталось чуть больше рассудка, женщина поняла бы, что её «маленькому» Викентию уже тридцать шесть лет и он, мягко говоря, староват для лагерей.

Я столько раз пытался апеллировать к остаткам её логики, столько раз говорил ей: «Твой сын прямо здесь, мама! Неужели ты меня не узнаёшь?» Но она так и не узнала меня. Ни разу. Однажды меня это так задело, что я упал на колени и заплакал. И что она сделала? Воспользовалась случаем и выбежала из квартиры. С тех пор я перестал видеть в ней человека. Для меня она превратилась в животное, стала моим питомцем, которого надо кормить и периодически выгуливать. В основном Наталья Максимовна вела себя тихо и почти не разговаривала. Иногда, будучи в хорошем настроении, женщина подзывала меня к себе и показывала фотографии сына, которым я наигранно удивлялся. А иногда, когда болезнь одолевала её, у неё случались приступы ярости. Она кричала, плакала, рвалась из комнаты и умоляла вернуть ей

сына, а я... Я думал о том, сколько времени осталось на сон.

Чтобы ужиться с матерью и не травмировать её психику, я разработал несколько правил:

- 1) Не называть себя Викентий.
- 2) Не повышать голос.
- 3) Не пререкаться.
- 4) Не отвечать на агрессию.
- 5) Не оставлять колющие и режущие предметы на виду.
- 6) Не оставлять ключи в дверях и всегда запираать балкон.

И всё-таки я жалок. Обвиняю в своих проблемах пожилую женщину, страдающую маразмом. Нормальный сын отправил бы мать в лечебницу, но мне это не по карману. Лучше взять рецепт на димедрол и наблюдать, как мама медленно теряет рассудок. Поэтому она права, что не узнаёт меня. Я не достоин называться её сыном.

Наталья Максимовна заснула только под утро. Она легла на кровать, отвернулась и начала плакать. А потом заснула. Я смотрел на неё и думал: «Вот бы она не проснулась». Подобные мысли посещают меня каждый вечер. Иногда мне даже снится её смерть. Звучит чудовищно, но... в моих снах она хотя бы не мучается. Просто закрывает глаза и перестаёт дышать.

Так или иначе, на сегодня моё дело сделано. Я ложусь на голубой диван с мотоциклистами, сгибаю колени (чтобы ноги не свисали), но не могу уснуть. Сегодня гоночное ложе кажется мне каким-то особенно жестким. Жаль, что димед-

рола нет. Я встаю и иду на балкон. Через разбитое окно открывается вид на чёрный пол и ржавые куски метала. Только это осталось от виноградной лозы и кованой решётки после пожара, который случился где-то полгода назад. Жаль, что в тот день вся квартира не сгорела к чертям. Вместе с фотографиями в деревянных рамочках, вместе с бесчисленными книгами, вместе с грёбаным диваном и советским холодильником. Вместе со мной и матерью, которая тогда спала. Сейчас мысли о самоубийстве не пугали меня. На самом деле я бы с большим удовольствием перерезал себе горло и захлебнулся бы в собственной крови. Но тогда кто будет следить за мамой? Если во мне и осталось хоть что-то человеческое, так это чувство долга. Неоплаченного долга.

Уже семь. Самое время умыться и позавтракать. Я иду в ванную, сажусь на поломанную стиральную машину, которую давно стоит выкинуть, и чищу зубы. Мой взгляд устремлён на уродливое отражение в зеркале. С каждой секундой отвращение к самому себе возрастает. Мне вдруг вспомнилось, каким красивым я был, когда впервые вышел в ринг: длинные волосы, новенькие шорты, воля к жизни в глазах. Теперь моя внешность – шарж, кривое отражение прошлого. Недаром мать не узнаёт меня...

Я резко ударил по стеклу. Зеркало потрескалось и запачкалось кровью, но этого мало. Я всё бью и бью, пока мельчайший осколок не падает в умывальник.

Надо промыть руку, но тело будто оцепенело. Даже в

окровавленных осколках я всё ещё вижу своё отражение! Да чтоб тебя! Как одержимый, я колочу по стеклу, и боль вместе с характерным звуком доставляет удовольствие.

Раковина отвалилась и упала на пол. Я опустился на колени. В том, что осталось от зеркала... в некоторых осколках... всё еще видно это лицо!

Я запускаю ладони в пучину стёклышек и сжимаю кулаки. Не помогает. Ненавистный облик всё ещё выглядывает то с одной точки, то с другой.

– Твою мать! – крикнул я и опустил голову в осколки. – Твою мать! Твою мать!! Твою мать!!!

Окровавленные руки обняли раковину и прижали её к голове. При каждом движении лицо покрывается порезами, но отступать нельзя! Надо засунуть голову как можно глубже... чтобы не было слышно, как хнычет взрослый мужик.

В обед я пошёл в спортклуб «Титаниум». На рецепции сегодня та самая девушка из эротического сна. Когда она смеётся, можно увидеть её дёсны и пересчитать зубы. Наяву эта улыбка не кажется игривой.

Я пересекаю огромный зал с кучей новеньких тренажеров и штанг. В конце есть два так называемых зала для групповых программ. В левом проходят тренировки для мужчин: бокс, дзюдо; а в правом: йога, пилатес и остальная бабская хрень. Я открываю левую дверь и вижу, как тренер даёт молодым боксёрам указания. Он больше не гоняет спортсменов

от снаряда к снаряду. Только руководит.

– Ты опоздал, – сказал тренер. – Брился, наверное?

А-а, шутка про порезы... Несколько спортсменов взгляделись в моё лицо, но быстро отвернулись. Я начал разминку.

Мы растеряли прежнюю любовь к боксу. Меня сломали поражения, а пламенный дух тренера начал гаснуть ещё с того дня, как наш подвальчик закрыли из-за антисанитарии. Тогда его пригласили в зал «Победа»...

Весь час я занимаюсь один, и только под конец старик машет в мою сторону. Он показывает на здорового парня с короткой стрижкой и пухлыми губами. Это означает спарринг. Сегодня вечером должен состояться мой третий поединок с Шарпеем, поэтому тренер поставил меня против самого сильного боксёра в зале. Это был молодой мастер спорта по прозвищу «Бык». Во сне я с лёгкостью побил его, но наяву это было не так просто. Он боксировал вполсилы и всё равно доминировал. В прошлом это бы оскорбило меня, но сейчас я трезво оценивал свои шансы и не лез на рожон.

– Подождёшь меня на улице, хорошо? – сказал тренер в раздевалке. – Мы же с тобой давно так не общались, а у меня как раз перерыв.

Я согласился и минут двадцать ждал у входа. Тренер предложил прогуляться. Мужчина вспоминал прошлое и говорил на удивление расслабленно. В ларьке он купил банку пива.

– Будешь?

Я отказался.

– Ну да, ты же не пьёшь, – добавил он и неожиданно завёл разговор о Шарпее. Мне показалось это странным, и я решил спросить:

– Почему он не пришел на тренировку? И как там с боем?

– С боем накладка вышла.

– В смысле, накладка? – удивился я.

– Ну, как в смысле... Ты что, Шарпея не знаешь? Как водку жрать, так он первый, а когда надо потренироваться – так у него всё болит. Говорил я с этим твоим Шарпеем. Позволил мне вчера, сказал, что простудился и в ринг точно не выйдет. Короче, как был он ссыклом, так им и остался. Да и вообще, ну его к чёрту, этого Шарпея. Ты мне лучше вот что скажи: когда кончается твой абонемент в клубе?

– Через две недели.

– А продлевать как будешь? Я слышал, ты работаешь охранником в «Диско-баре», но на тебе ж ещё мать больная. А здесь цены такие... надо год ничего не есть, чтоб месяц походить.

– Не знаю, – сказал я и завистливо посмотрел на банку в руках тренера.

– А может, пора заканчивать? Я вон в тридцать три завязал и не жалею. А тебе уже под сороковник. В этом возрасте здоровье начинает пошаливать. Сам подумай, ты уже двадцать лет в ринге. А если в больницу угодишь? Мать твоя совсем сойдёт. Пожалей хотя бы её.

Последняя фраза была пиком мерзости. Что именно он

хотел до меня донести? Что я не молодею? Что мне не хватает денег? Я и сам это знаю, но ещё лучше мне знаком характер тренера. Когда он втирал про возраст и больную мать, наверняка думал: «Африка, взгляни правде в глаза – ты просто неудачник. Бокс – это не твоё, и последние девять поражений подтверждают мои слова. Не позорь себя и спорт, который когда-то любил».

Конечно, мне не хватит денег на абонемент, а искать новую секцию в тридцать шесть лет было бы смешотворно. Но я сам во всём виноват. Не надо было идти за тренером в «Победу». С другой стороны, тогда началась приватизация, и спортклубом завладел отец Шарпея (что означало низкие цены и отличные условия). Жаль, что год назад папаша отдал концы, а Шарпей, глубоко погруженный в пьянство, продал «Победу». За четыре месяца новый владелец сменил здесь всё, включая тренажеры, персонал и даже название. Сначала я мог себе позволить ходить в «Титаниум», но в последние две недели цены серьёзно поднялись.

– Эй, ты меня слушаешь? – спросил тренер. Оказывается, старикан всё это время что-то бубнил.

– Да. Слушаю.

– Ни хрена ты не слушаешь. Тебе вообще на всё насрать. Поэтому тебя и бьют постоянно.

– Ты что такое говоришь, старый лицемер? Это мне насрать?! Да я за всю жизнь ни одной пачки сигарет не выкурил! Даже не напивался ни разу! Каждый день работал как

проклятый и чего я добился?! Какой результат?! – вот что я хотел ответить, но вместо этого сказал: «Хорошо».

Старик положил руку мне на плечо и спросил:

– Да что с тобой такое?

– Не надо, – ответил я и отпихнул его руку. – Не надо мне читать проповеди, всё равно через неделю ухожу.

Я поднялся и пошёл домой.

Мать уже не спала. Пришлось готовить обед и уговаривать её сесть за стол. Ближе к вечеру я вышел в аптеку и взял пачку димедрола. Две таблетки я скормил матери, и ещё две с удовольствием бы выпил сам. Но не сегодня. Надо работать.

С десяти вечера до пяти утра я стою на входе местного «Диско-бара» и пропускаю всех, кроме бомжей и оборванцев. Если внутри заведения начинаются драки, моя задача – вытащить дебоширов на улицу. Всё, что происходит вне бара, меня не касается.

В одиннадцать часов подошёл Бык. Он был в окружении друзей и девушек, среди которых была и Таня – девочка с рецепции. Галантные кавалеры были одеты в спортивные костюмы и кроссовки, а их дамы – в короткие юбки и майки. Таня, как настоящая принцесса, надела фиолетовые лосины и топ, из которого чуть ли не вываливалась её огромная грудь.

– Ну что, Африка, старичок, пропустишь нас? Я ж тебя пожалел сегодня, вот и ты не выделывайся, – сказал Бык и улыбнулся, оттопырив нижнюю губу.

– Да не прессуй ты так его, а то весь пол обоссyt, – добавил кто-то из компании.

– Да... проходите, – ответил я.

Парни зашли эффектно: сначала отпихнули меня, потом громко матерились и свистели. Конечно, обидно, что после стольких лет занятий боксом моё достоинство может опустить «любой мудаk с сигаретой в зубах». Но ничего не поделаешь. Если начну драку – меня уволят. Придётся работать грузчиком.

В течение сорока минут молодёжь выпила чуть ли не весь алкоголь в баре. Бык стал махать руками и что-то объяснять своей девушке, поэтому я приблизился к ним.

– Ну и что в этом такого? Мы просто посидим с пацанами в сауне часик или два, а потом домой поедem. Мы же вас не бросим, а сначала по домам развезём, – говорил Бык своей девушке.

– Да знаю я, чем вы в саунах занимаетесь. Шалав себе снимете и нажрётесь как свиньи, – ответила Таня.

– Ты что говоришь такое? Зачем мне деньги платить, когда ты у меня всегда под боком, – сказал Бык и полез к девушке целоваться. Он схватил её за грудь, но Таня отодвинулась.

– Не трогай меня! – крикнула она. Алкоголь, видимо, придал ей смелости, и девушка продолжила: – Если вы идёте в сауну, тогда мы с девчонками останемся здесь.

Бык сжал губы, словно готовый своим плевком расколоть

землю, и ударил кулаком по столу. Таня опустила глаза, а их друзья о чём-то шептались. Бык схватил чей-то стакан и вылил содержимое на Таню, после чего швырнул его в стену. На этот раз все замолчали, а девушка за барной стойкой посмотрела на меня. Придётся вмешаться.

Бык схватил свою девушку за волосы, притянул её к себе и сказал:

– Слышь, сучка, ты что надумала, а? Решила на блядки пойти? А?! – Бык влепил пощёчину Тане. – Хочешь, чтобы тебя тут оттрахали, да?! Ты этого хочешь?! Мразь конченная!

Парень сжал кулак и размахнулся, но я удержал его руку. Он ответил мне ударом в челюсть. Я зашатался. Друзья Быка стали отталкивать меня, приговаривая: «Чё ты лезешь?», «Дай им разобраться!». За это время Таня убежала на другой конец бара. Бык пошёл за девушкой, а я сумел продраться сквозь толпу его поклонников и вновь остановить агрессора. Он отпихнул меня, а затем ударил ногой в грудь. Я отступил на пару шагов, чтобы восстановить дыхание.

– Что, осмелел, Африка?! – крикнул Бык.

Он ухватил мою голову и принялся бить по ней коленом. После нескольких ударов мне удалось выбраться из захвата.

– Ты что, по-нормальному не понимаешь?! Языку не научился?!

– Решайте свои проблемы вне бара, – ответил я.

– Ага, мы с тобой сейчас порешаем все наши проблемы! Вне бара, сука, порешаем! – сказал Бык и повернулся к Тане,

чтобы добавить: – Хочешь остаться – оставайся, мразота!

Боксёр повернулся, ударил ногой по барной стойке и вышел из заведения. За ним последовала вся компания, кроме нескольких девушек, оставшихся с Таней. Она выглядела испуганной, однако поблагодарила меня за поддержку. Я ответил на любезность и пошёл смывать кровь с лица. Через окно в туалете слышались знакомые голоса. Дебоширы поджидали меня и не ушли, пока Бык не скомандовал: «Да ну его на хуй, завтра разберёмся». Я вновь встал на рабочее место и надеялся, что на этом все мои приключения закончатся.

Как бы не так.

Через пятнадцать минут к бару подъехал молодой парень на зелёном мотоцикле. Когда он прошел мимо меня со шлемом в руках, я вдруг понял, насколько сильно он отличается от типичного обитателя «Диско-бара». Вместо спортивного костюма на нём была майка тигровой расцветки с большим вырезом, кожаный жилет и протёртые джинсы. Вместо дешёвых туфель из кожзаменителя парень носил голубые мокасины с черепами. Вместо голимой наколки в виде имени или года рождения, расписанного на костяшках, на его груди красовалась ярко-чёрная надпись. К тому же, он пренебрёг священнейшим правилом: «волосы длиннее 5 см – пидорство». Да ещё и как пренебрёг! Парень не только отрастил патлы, свисающие до самой шеи, но ещё и красился в блондина.

В баре этот персонаж не растерялся и первым делом по-

просил сменить шансон на клубную музыку. Затем он подошел к столу, где отдыхали Таня и её несколько подруг, и заказал им выпить. Девушка мгновенно расцвела, окружив парня своим вниманием. Они много пили и танцевали, а потом парочка уединилась за дальним столиком. Примерно через полчаса они, смеясь и пошатываясь, вышли из бара и направились к мотоциклу.

– А тебя не арестуют за вождение в пьяном виде? – спросила Таня и прыгнула на мотоцикл, раскинув ноги.

– Не бойся, они нас не догонят. Нам с тобой никто не помешает.

Блондин схватил девушку за талию, а она оттолкнула его в игривой манере.

– О-о, ты шустрый парень?

– Не то чтобы шустрый, но... – парень не окончил фразу и силой приблизился к девушке. Он слегка потянул её за волосы и прошептал что-то на ухо, отчего Таня расплылась в улыбке.

Парень надел на девушку шлем и сел за руль. Таня запустила руки ему под майку. Парочка с шумом уехала на зелёном мотоцикле. Похоже, завтра у Быка будут дела поважнее, чем разборки со мной.

Ближе к утру подошел угрюмый мужчина с золотым зубом. Он был младше меня на пару лет, но выглядел старше на десять. Его звали Серый.

– Здорово, Африкос. Ну, чё, как сегодня, шумно? По ли-

цу вижу, что шумно. Я чё пришел-то... дело к тебе есть. С одним муилой надо разобраться. Он Удаву денег задолжал, а платить не хочет, падла. Сидит себе, бухает в «Кобыле». Сюда не суётся. Ну, чё, погнали?

Ночные разборки входили в мои обязанности. За это меня, собственно, и наняли. Хозяин бара – авторитет по кличке «Удав» – предлагал «взять меня в дело» ещё в середине девяностых. Тогда я думал, что ни при каких обстоятельствах не стану работать на бандитов.

Когда надо было кого-то припугнуть или выбить деньги, – Серый приходил ко мне. Я был шестёркой у шестёрки, живым щитом на случай, если у должника окажется в руках нож или пистолет.

У входа в бар «Кобыла» валялся какой-то пьяница. «Это он», – сказал Серый. Я подобрался к жертве и разглядел знакомый силуэт. Передо мной лежал Шарпей. Щуплая фигура и обвисшая кожа ещё сильнее оправдывали его прозвище.

Я перевернул пьяницу, затем присел на одно колено и спросил: «Ты живой?» Шарпей немного пришел в себя и, откашлявшись, заговорил на типичном для него и других алкоголиков диалекте:

– Гха-гха, кого я вижу? Зайчишка-трусишка...

Шарпей попытался плюнуть в мою сторону, но слюна растеклась у него по щеке.

– Ты о чём? – спросил я.

– О том... шо ты трус!!

– Это я трус? Ты же сам сказал, что не придёшь!

– Чё ты паришь, Вика?! Я... пришёл када нада... вечером... а ты не было! Твой тренерок ещё втирал там... какие-то... семейные остоятельства у ты, – Шарпей остановился, почувствовав, что теряет контроль над речью, но вскоре продолжил: – Ну и шёл ты в жопу! Вместо ты намальный пацан подкатил... побил меня, прада... за два ранда, чертяка! Ну, ничё, бывает. Зато малыш водярой круто проставился!

– Что ещё за малыш?

– Кхе-кхе, малыш... тот ещё зерюга... заходит, такой, в зал и грит: «С кем тут можно подраца?» Я как раз ещё злой был... ну када узнал, шо ты слинял... ну и согласился с ним поцапаться... хорошо, шо сдаца успел, хе-хе, – Шарпей вновь замолчал и долго смотрел мне в глаза с присущей ему улыбкой умственно отсталого. – А знаешь, этот пацан похож на ты... в молдости. Такой же патлатый, и зляд... кхм, взгляд у него, как у ты. Точно как ты, токо без бзихованной мамаша и конченого тренера.

Шарпей разразился животным смехом. Было настолько противно, что я не удержался и избил его. Пьяница всё смеялся, пока его не вырвало на мою обувь. Тогда я поднялся и стал колотить его ногами. Но он всё ещё смеялся.

– Грёбаное животное! – закричал я и вытер свою кроссовку о лицо Шарпея. – Смеёшься, да? Нравиться так жить, да?! Вот и жри свою блевотину! Давай жри!!!

– Ах ты ж сучара! – раздался крик сзади.

Я повернулся и увидел, как Серый отбивается от длинноволосого парня, который наносит удар за ударом. Это был тот самый блондин, который сегодня произвёл фурор в «Диско-баре». Серый отступил на пару шагов, чтобы вытереть кровь, а юнец ответил ему с ехидным выражением:

– Два латентных гомика бьют лежачего алконавта, и я здесь сучара? Ты, кстати, живой, Шарпейчик?

– Поговори мне ещё! – крикнул бандит и вытащил нож из кармана.

– У-уу, я весь трясусь. Кстати, что у тебя с зубом? Неужели косишь под...

Серый перебил юнца зверским криком и побежал на него, как бешеный бык. Парень, словно опытный матадор, отшагнул с линии атаки и стал бить врага в челюсть.

Он так быстро наносил удары, что Серый не выдержал и тридцати секунд. Он свалился и выпустил нож, а молодой боксёр прыгнул на него и спрятал оружие в кармане.

– Я продолжу, – сказал он, шлёпая лежачего по лицу. – Ты что, начинающий рэпер? Или косишь под Джека Воробья? Даже не знаю, сфоткать тебя или просто вырвать эту золотую хрень.

Заметив, что жертва никак не реагирует, парень поднялся и подошел ко мне. Он встал в стойку и сказал: «Ну что, фейсконтроль, поехали?» Я оставил Шарпея и тоже принял стойку. Мы дрались технично, передвигаясь, как на ринге. В отличие от Серого, я был предельно сконцентрирован и не

лез напролом. Юнец тоже вёл себя осторожно, однако пытался спровоцировать меня своей надменной мимикой и ехидными замечаниями. Я не поддавался и боксировал в обычном темпе, пока не поскользнулся на грязи. Но даже тогда парень вёл себя как истинный спортсмен и отпрыгнул на пару шагов.

– Что ты делаешь? – спросил я.

– Ты поскользнулся, а боксёры лежачих не бьют.

Я поднялся. Этот говнюк мне за всё ответит! Хотелось бить его без остановки, но парень был слишком изворотливый. Остаётся терпеть удары и бить «редко, но метко». Пару раз мне удалось попасть, и после одного из таких попаданий юнец попятился и споткнулся о лежащего бандита. Серый успел оклематься, и ему не составило труда захватить боксёра. Одной рукой бандит давил на горло, а второй – бил по рёбрам.

– Чё встал, Африка?! Завалим мудилу этого, пока мусора не прикатили.

Только сейчас я услышал сирену. Наверное, бармен «Кобылы» вызвал ментов.

– Чё телишься, придурок? Давай помогай, а то этот шас вырвется! – сказал Серый.

Я взглянул на борцов в грязи и, приблизившись, нанёс пару ударов ногой. Серый закричал, схватился за рёбра и освободил юнца. Тот не растерялся и долго бил обидчика по голове. Бандит отполз на пару метров, затем поднялся, отды-

шался и, услышав громкий звук сирены, сказал: «Вам обоим пиздец!» После этого он слинял.

– Твоя сучка убежала? – спросил юнец, отряхиваясь.

– Почему убежала? Моя сучка прямо здесь, – ответил я и медленно приблизился к сопернику. Он улыбнулся и принял стойку.

Следующие две минуты казались вечностью. Под звуки сирены мы избивали друг друга, как животные. Его кулак врезался в мой висок... Мой кулак впивался в его рёбра... Я чувствовал, как сжимается его грудная клетка; я будто видел, как ломаются его кости, и будто слышал их хруст. Я мог раствориться в этом чувстве, но мощный апперкот вернул меня к жизни и заставил продолжать борьбу.

Если бы полицейские не оттащили нас друг от друга, мы бы точно не остановились. На меня первого надели наручники и посадили в грязную «Дачию Логан». Юнец попытался бежать, но скоро занял место рядом со мной. По дороге в участок парень молчал, а я растворился в воспоминаниях. Там были мама с её параноидальной опекой и тренер с его похабными шуточками. Затем я вспомнил всё, что так усердно пытался забыть: как мама называла меня настоящим мужчиной и как тренер, словно экзорцист, годами изгонял демонов страха из моей души. Я прижал голову к окну. Надеюсь, произойдёт авария. Машина перевернётся, стёкла врежутся мне в голову. Но аварии не произошло, и мы благополучно доехали до участка. С нас сняли наручники и посадили в од-

ну из пустых камер. Я спокойно уселся, а парень оглядывался по сторонам.

Оглядывать тут было нечего. Всё лучшее находилось в офисе комиссара. Когда один из полицейских открыл заветную дверь, стало видно, что кабинет гораздо просторнее, чем наша камера.

Из глубины доносились женские крики. Не заметь я компьютер на столе, подумал бы, что комиссар насилует проститутку. Но нет, не сегодня. Сегодня – день жесткого порно.

Юнец наморщил лоб, а полицейские спокойно переговаривались. Привыкли, наверное. Минут через десять крики прекратились. Послышались шаги и голос комиссара.

– Ну, что за кадры у нас тут собрались? – сказал толстый мужчина маленького роста.

Этот голос на мгновение заморозил всю кровь в моих венах. Передо мной стоял не просто комиссар, а комиссар Пчелоед.

Глава третья: Идальго

Порхать, как бабочка, и жалить, как пчела.

Мохаммед Али

Судьба моего школьного врага сложилась весьма удачно: он завёл семью и стал полицейским. Но это – лишь верхушка айсберга. Лишь маленький лист, прикрывающий кучу дерьма. Горожане, конечно же, предпочитают видеть только листик, хоть и знают, что «служитель порядка» давно работает на Удава и что «примерный семьянин» жестоко избивает жену.

Но если они это знают, тогда почему им стыдно за меня, а не за него? Почему мечтатели живут в дерьме, а предатели – в роскоши? Ведь всё должно быть...

– Ладно, мальчики. Вижу, вы хорошо поработали. Идите-ка домой. А за этими двумя я уж как-нибудь сам присмотрю, ясно? – сказал Пчелоед, почёсывая задницу.

Марионетки покинули сцену. Впрочем, и сам кукловод побежал досматривать порнушку. На этот раз крики были слышны даже через дверь.

Мы сидели тихо. Парень долгое время барабанил пальцами по решетке, а потом заговорил:

– Ни воров, ни проституток, а?

Я молчал, но юнец продолжил:

– Так как тебя, говоришь, зовут? Не «фейсконтроль», наверное.

Что ещё за «Фейсконтроль»? Наверное, модный аналог «мудака».

Я опустил глаза в надежде, что сокамерник оставит меня в покое. Как бы не так! Вместо этого парень вытянул руку и стал щёлкать перед моим носом. Я ударил его в плечо.

– Слушай, мне не нужны твои паспортные данные, – сказал юнец. – Просто скажи свою кличку. Ты ведь боксёр, да? Как тебя называют в ринге?

Я не хотел делиться информацией с этим незнакомцем, но что-то в его навязчивой манере заставляло всё ему разболтаться, и я ответил: «Африка».

– Точняк! Африка! Вспомнил!

– Я так понимаю, у тебя тоже есть боксёрское имя?

– Да, есть. Меня зовут Идальго.

Парень протянул мне руку. Я пожал ее, и мы неожиданно разговорились. Сначала о боксе: кто сколько занимался, кто чего достиг. История Идальго была крайне увлекательной: парень вырос в Кишинёве и с детства тренировался с отцом (бывшим боксёром). Благодаря этому в свои девятнадцать он уже успел стать мастером спорта. Скоро Идальго планирует уехать в Москву и податься в профессионалы. Перед отъездом юнец решил навестить Унгены – город, где провёл детство.

– И всё же как ты очутился в «Кобыле»? – спросил я.

Идальго глубоко вздохнул и начал:

– После боя с Шарпеем я чувствовал себя бодро и... решил пойти снимать девчонок. На выходе из отеля мне подвернулся паренёк, который знал всё о местных клубах. Он ещё добавил: «только не ходи в «Диско-бар», там одни гопники тусуются. Сплошные драки, наркота и поножовщина».

– И ты пошёл именно туда! – сказал я, рассмеявшись.

– Ну конечно! Что было дальше, ты и сам знаешь: увидел девушку, познакомился, напоил и поехал к ней в общагу. Потом мы почпокались...

– Почпокались? В смысле, занимались сексом?

– Нет, в смысле, овец считали.

Я недоверчиво взглянул на Идальго, на что он поднял брови и сказал:

– Я вдул ей, Шерлок. А потом оделся и поехал в другой бар. Там мне и встретился Шарпей, которого я решил поблагодарить за «бой», если можно это так назвать.

– Знаешь, для человека, выпившего столько алкоголя, ты отлично дрался.

– О чём ты, Африка? Я абсолютно трезв, – сказал Идальго с каменной миной, из-за чего я принял его слова за шутку.

– Ну да, конечно... как будто меня в «Диско-баре» не было.

– Не веришь? Спроси Шарпея. Это он всю водку выжрал, оттого-то и побежал на улицу. А в твоём баре другая схема прокатила... слышал про пикап?

Я отрицательно покачал головой, а Идальго, полный энтузиазма, принялся рассказывать о том, как надо спаивать девчонок в баре, но самому оставаться трезвым. Секрет был прост: парень договаривался с барменом, чтобы тот наливал ему спрайт вместо джин-тоника. Взамен Идальго оставлял щедрые чаевые.

– А теперь ты расскажи что-нибудь, – продолжил парень после нескольких минут тишины, – например, что у вас за тёрки с Шарпеем?

Я хотел снова отмазаться, но юнец не принимал возражений. Пришлось рассказать ему всё. От начала до конца. Я думал, что после десяти минут Идальго сам попросит меня замолчать, но парень внимательно слушал и часто задавал вопросы. В результате я рассказал ему про отношения с матерью, про попытки суицида и даже про отца, которого никогда не видел. Больше всего Идальго зацепил момент, когда Пчелоед избивал меня камнем, а я из принципа не отвечал. Тогда парень перебил меня, чтобы рассказать о своих «правилах боксёра». Их было всего четыре: 1) не пить; 2) не курить; 3) не употреблять наркотики; 4) всегда драться как боксёр. Последнее правило означало, что даже на улице Идальго бил только в торс или в голову и только руками. Если соперник падал, юнец ждал, пока он встанет.

Затем мы перешли к обсуждению любимых боксёров и сошлись на том, что Мохаммед Али – лучший за всю историю этого спорта. Идальго, правда, считал своим кумиром Рэя

Леонарда.

– Из нынешних один Мэйвезер прикольно дерётся, – сказал парень. – Он, конечно, тот ещё алчный урод, но талантливый же!

Мы так разговорились, что даже не заметили, как утихли крики в соседней комнате и как низкорослый полицейский вышел из комнаты. Он ударил дубинкой по решётке, чем сразу же обратил на себя внимание. «Так это он Пчелоед?» – прошептал Идальго. Я одобрительно кивнул, на что комиссар автоматически отреагировал:

– О чём шепчетесь, голубки?

– Да вот, всё спорим, на какую порнуху вы втихомолку драчили, сержант Членоед, – ответил Идальго.

От происходящего у меня перехватило дыхание, а у Пчелоеда вылупились глаза.

– Ты как со мной разговариваешь, петух малолетний?! – крикнул комиссар и встал прямо напротив нас. – Тебе чё, рёбра давно не ломали?!

Если бы не решётка, Пчелоед бы тотчас кинулся в драку. Я так ненавидел его, и в то же время его вздутые вены на лбу по-прежнему выглядели устрашающе. Однако мой сокамерник не испугался и тоже приблизился к решетке.

– О-ооу, только не возбуждай, Членоед. Поверь, если бы я после работы должен был лечь в постель со страшнучей бабой, я бы тоже дрочил как угорелый. А то иди-знай, вдруг ночью встанет, – Идальго рассмеялся. – Придётся удо-

влетворяют. Поэтому ты даже молодец, что подстраховался.

Пчелоед спокойно принял эти слова и даже улыбнулся. Очевидно, он понял, что если поливать юнца грязью – тот не испугается.

– Я вижу, ты большой остряк. Посмотрим, как ты будешь ржать на зоне, когда сядешь за вооруженное сопротивление при задержании. Или ты думал, что можешь просто так разгуливать с ножом в кармане? Вон у меня ещё и свидетель есть, – сказал Пчелоед и кивнул в мою сторону.

Отлично. Теперь мне точно не выйти сухим из воды. И зачем Идальго положил нож Серого в карман во время драки? Какого чёрта он вообще докопался до Пчелоеда? В голове витали всевозможные исходы этого конфликта, и ни один из них не был положительным. Идальго повернулся в мою сторону. В одном его взгляде было больше мужества, чем во всём моём естестве.

– Не бойся, таких, как ты, очень любят на зоне, – Пчелоед сузил глаза в улыбке и почесал в паху. – Прямо в попку любят.

– Лучше бы ты занял свой грязный рот чем-нибудь. Например, ты мог бы... – Идальго прислонился к прутьям, – отсосать у меня стоя, карлик.

Пчелоед ударил по решётке кулаком, но парень успел убрать лицо.

– Хотя с твоим ростом может понадобится стремянка... Комиссар в ярости забежал в кабинет и вышел оттуда с

дубинкой. Он достал из кармана связку ключей и крикнул:
– Эй, Африка! А ну пойди сюда!

Я медленно подобрался к решетке и, пока шел, несколько раз взглянул на Идальго. Он сидел с наплевательским видом. Когда я приблизился, Пчелоед просунул руку между прутьев и притянул к ним мою голову. Он максимально приблизился ко мне, а затем прошептал: «Я знаю про твои мутки с Удавом, так что можешь валить домой. Но пацан останется». Пчелоед отодвинулся и открыл замок. Дверь камеры открылась. Комиссар рванул внутрь, оттолкнув меня. Когда я обернулся, он уже избивал Идальго дубинкой. Юнец пытался сопротивляться, но удары по голове дали о себе знать, и скоро парень уже не мог оторвать лицо от пола. «Чего встал?!» – крикнул Пчелоед. Его голос всё ещё управлял мной. Я выбежал из комнаты, притворяясь, что не слышу крики товарища.

На выходе из участка я остановился. Мне слышалось, как дубинка врезается в плоть Идальго. Бам! Бам! С каждым разом звук становился громче. Бам!!! Через несколько минут казалось, будто мой череп превратился в колокол, внутри которого бьётся язык в виде большой полицейской дубинки. БАМ! БАМ! БАМ!

После некоторых колебаний я тихо зашёл в участок. Мне оставалось пройти совсем чуть-чуть, но знакомый садистский голос заставлял меня колебаться. Собрав все силы в кулак, я сделал пару шагов и увидел Идальго, прижатого к тю-

ремной решётке и прикованного к ней наручниками. Рядом стоял Пчелоед в расстёгнутой рубашке и с дубинкой в руках. Полицейский ударил Идальго по рёбрам, а парень отчуждённо взглянул в мою сторону. В этот момент что-то щёлкнуло в моём мозгу, я закричал что есть мочи и бросился в бой.

– Какого... – сказал, развернувшись, Пчелоед, перед тем как получить в челюсть.

Полицейский отступал и отмахивался дубинкой, но это не остановило меня. Я наносил удары одним за другим и скоро прижал Пчелоеда спиной к решётке. Теперь не вырвешься! Я сжал зубы в широкой улыбке и продолжал бить. От каждого удара голова Пчелоеда раскачивалась сильнее, а по моему телу пробегала дрожь. Я был так одурманен насилием, что даже не заметил, как упал полицейский, пока не врезал рукой по железной решётке. Было не больно. Удовольствие притупляло все остальные ощущения.

Я вытер кулак и опустил глаза. Пчелоед лежал без сознания. Его окровавленная ряха касалась моих ног. Я поднял ботинок над головой врага. Наверное, вот что испытывает наркоман, когда уже воткнул шприц в вену, но ещё не ввёл содержимое. Тихий голос пробудил меня, и я посмотрел на измождённого Идальго, который несколько раз повторил: «Спасибо». Мне вспомнилось его четвёртое правило, и я медленно опустил ногу.

– Ты не мог бы... достать ключ... из кармана... – произнёс парень.

Его слова дошли до меня не сразу, но, поковырившись в карманах Пчелоеда, я всё-таки нашёл ключ. Я освободил Идальго и уже собирался бежать, но парень направился в кабинет Пчелоеда. Несколько минут он открывал разные ящики большого стола, пока не отыскал злополучный нож и не спрятал его в карман. Когда мы вышли, Идальго вновь удивил меня, пробежав метров тридцать на одном дыхании. Он морщился от боли, но не прекратил бег. Я последовал его примеру. Когда мы остановились, Идальго вытащил нож и бросил его в кусты. Затем он аппетитно зевнул и сказал:

– Ладно, кореш, пора нам расходиться. Ещё раз спасибо, что выручил. Увидимся в «Титанике», часам к шести.

– Но бокс по расписанию в четыре.

– Ну, значит, в четыре.

Идальго протянул кулак и заставил меня ударить по нему. Он назвал это «боксёрским прощанием». «Скоро мы закончим наш поединок», – сказал юнец перед уходом.

В квартире царила тишина. Мать ещё не проснулась, а я сделал небольшой завтрак и принялся думать. Бык, Серый, Пчелоед... к чёрту этих уродов! Пусть захлёбываются желчью, а я всё равно проведу свой бой с Идальго. Плевать, что после этого меня как минимум избьют, а как максимум посадят. Терять мне больше нечего.

Дневная медитация подействовала, и по дороге в «Титаниум» я решил пробежаться, чтобы не уступать Идальго.

Идея не оправдала себя, ибо на одну пробежку ушло слишком много сил. К тому же я ещё и опоздал.

В зале была тяжелая атмосфера, поэтому ни Идальго, ни Бык даже не посмотрели в мою сторону. У обоих, кстати, были веские причины на это: первый усердно занимался с отцом (по совместительству тренером); а второй вообще никого не замечал, избивая грушу с особенной яростью. Такое поведение Быка означало одно из двух: либо в сауне не было проституток, либо, что более вероятно, ему кто-то рассказал о ночных похождениях его любимой «конченной мрази».

Тренировка прошла тяжело. Усталость, накопившаяся за двое суток, дала о себе знать. И всё же, как ни парадоксально, сегодня я занимался изо всех сил. А когда силы кончались, мой взгляд устремлялся к Идальго. Он, как всегда, выделялся благодаря белым шортам с нарисованным пламенем и перчаткам с таким же рисунком. Но больше всего завораживала не внешность, а упорство молодого бойца.

По окончании тренировки юнец всё-таки поздоровался:

– О, и ты здесь? А я думал, после вчерашнего отсыпаешься...

– Да... Нет... – дёргано ответил я. – Слушай, у тебя могут быть проблемы.

– Что такое? К тебе мусора приходили?

– Нет, тут другое дело. Есть один боксёр в зале, кличка «Бык». Он мне морду обещал набить, но с этим я как-нибудь разберусь, главное, чтобы он не узнал про тебя, ведь вчера...

– Подожди, подожди. Как он выглядит? Здоровый, с мощной харей и утиными губёшками? – спросил Идальго и бросил суровый взгляд на кого-то за моей спиной.

– Ага, а что, вы с ним уже говорили?

– Нет... но сейчас поговорим, – сказал парень и громко свистнул.

Я оглянулся и поймал на себе ещё более агрессивный взгляд. Бык среагировал на свист и подошёл к нам.

– Ты, значит, Бык, да? – поинтересовался Идальго.

– И что дальше?! – произнёс оппонент. Он оттопырил губы настолько, что напоминал пещерного человека на охоте.

– Приятно познакомиться, Бык. Я – Матадор.

Идальго попросил меня оставить их наедине, и я отошел, но продолжил наблюдать за ситуацией. Парни разговаривали грубо, толкая друг друга и сталкиваясь лбами. В конце они чуть не подрались, но мужики из зала разняли их. Бык вышел первым, а мы с Идальго задержались.

– Ну? Как прошло? – поинтересовался я.

– Всё круто. Завтра бой.

– Как бой?

– Так бой. Я же сюда приехал не черешню собирать, – сказал Идальго, улыбнувшись.

– Ты его видел?! Он же в другой весовой категории!

– И что с того? Паттерсон дрался с Листоном, хотя был на одиннадцать килограммов легче!¹

¹ Пояснение: Флойд Паттерсон проиграл Сонни Листоноу нокаутом в первом

Идальго замолчал и отвернулся. Видимо, понял, насколько неуместен его пример. Я хотел тут же отговорить парня, но он не позволил мне этого:

– И вообще, ты сам-то видел этого Быка? Ни ума, ни техники. Просто горилла в боксёрских перчатках.

Мы вышли из зала и продолжали спорить. Перед нами шел отец Идальго – крупный мужчина в сером спортивном костюме. Юнец подкрался к нему и похлопал по левому плечу, после чего незаметно отошел вправо. Мужчина обернулся, а я, отвыкнув от подобных ребячеств, не знал, что сказать. Отец, в отличие от миловидного сына, был олицетворением брутальности, с несколькими шрамами на лице и большими усами. Несмотря на пугающую внешность, мужчина спокойно осмотрелся и зафиксировал взгляд на хихикающем Идальго.

– Детский сад, – сказал отец.

– Ладно, не дуйся, – ответил парень, – лучше познакомься с ветераном этого зала, крутым боксёром и просто человеком, спасшим твоему сыну жизнь. Батя, – это Африка. Африка, – это мой батя.

Я был так польщён, что даже забыл вытянуть руку для приветствия. Когда первым это сделал «батя», мне стало стыдно.

– Извините, – промолвил я, пожимая огромную руку.

– Ничего страшного. И давай обращаться друг к другу на

«ты». Меня Леонид зовут, можно просто Лёня.

– Очень приятно. Я – Викентий...

– Можно просто Африка, – перебил Идальго.

– У него с детства привычка называть спортсменов по прозвищам, – рассмеялся мужчина.

Я тоже засмеялся и ожидал какой-то реакции, но её не последовало. Идальго был слишком увлечён девушкой на беговой дорожке и, наверное, даже не слышал нас.

– Так что, вы с Димой уже договорились о бое? – спросил Леонид.

Я удивился и не успел ответить.

– Нет... – сказал юнец, протирая глаза, – нет. Наш поединок откладывается. Сначала я должен побить одного мудака по кличке «Бык». Он уже согласился на бой, так что завтра будь во всеоружии, тренер.

Леонид попытался возразить, но Идальго перебил его:

– Всё, давайте, чуваки. Я пошёл к той брюнетке.

Парень машинально протянул кулак (чтобы я ударил по нему), похлопал отца по животу и направился к цели. Мы с Леонидом продолжили беседу. Оказалось, мужчина привёл сына в этот зал, потому что сам когда-то занимался в «Победе». Леонид родился в Унгенах и провёл здесь свою юность. Потом он уехал в Кишинёв. Несколько лет назад, когда погибли его родители, мужчина продал их квартиру.

За время разговора Леонид не раз просил называть его на «ты», но мне это не удавалась. Он был настолько мудрым и

ответственным, что я не мог разговаривать с ним на равных. Леонид скоро смирился с этим и больше не поправлял меня. У выхода из клуба мужчина предложил отвезти меня домой. Я согласился.

Позади «Титаниума» находилась бесплатная стоянка, где Леонид припарковал свой чёрный «Мерседес». Мужчина открыл багажник, кинул спортивный рюкзак и сел в машину. В отличие от него, я очень аккуратно положил свою сумку. Так же осторожно я открыл заднюю дверь и занял место в салоне с кожаной обивкой.

– Почему не садишься вперёд? – спросил Леонид.

– Ну, тогда вашему сыну придётся сидеть сзади.

– Нет, Дима с нами не поедет. Он сказал, что хочет прогуляться.

– Наверное, поведёт куда-нибудь ту брюнетку.

– Надеюсь, – начал Леонид, улыбнувшись, – потому что обычно после тренировки Дима забегает на какой-нибудь стадион и занимается там часами. Я-то, конечно, не против, но завтра у него бой, а вчера он и так накуролесил.

– Значит, Ида... в смысле, ваш сын вам всё рассказал?

– Да, конечно, – Леонид сделал паузу. – Дима не хотел говорить, но я настоял. Он рассказал, как к нему в баре пристал этот Пчелоед, врезал дубинкой и потащил в участок. Хорошо, что ты тогда был в камере и вырубил этого мусора...

Мужчина прервался, похрустел костяшками пальцев, сжал руль своими огромными ручищами. Казалось, Леониду

ничего не стоило вырвать его и разбить лобовое стекло, но он сдержался.

– Я был в нескольких участках, пока Дима отсыпался. Думал завалить эту мразь... мне сказали, что он сейчас в больнице со сломанной челюстью.

– Кто? Пчелоед? – настороженно спросил я.

– Не надо беспокоиться, – сказал Леонид, обернувшись, – ничего он тебе не сделает. Если будут проблемы – я сам поговорю с ним. Забашляю на крайняк.

Мужчина завёл машину, а я не знал, чем ответить на подобное благородство.

– Так что, объяснишь дорогу? – спросил Леонид.

Он следовал моему детальному описанию и ехал медленно. В это время я мысленно сопоставлял обоих членов этой боксёрской семейки и не нашёл между ними ничего общего. Отец был похож на Эрнеста Хемингуэя: несмотря на крепкое телосложение, он почти не повышал голоса и обладал неисчерпаемым терпением. Его сын больше смахивал на актёра, нежели на бойца, однако под ангельской внешностью прятался искусный манипулятор.

Леонид высадил меня у подъезда. Я зашёл домой, приготовил ужин и накормил мать порцией снотворного. Мне тоже хотелось спать, но надо было идти на работу. Скорее всего, к утру опять подойдёт Серый, а значит, я потеряю несколько зубов. И всё же мне надо быть в баре, ведь если появится Идальго, дружки Быка разберутся с ним ещё перед боем.

К сожалению, мои предположения оправдались: в полночь пришел Бык со своей свитой, на этот раз без женщин. Их было человек двадцать, и каждый смотрел на меня косо.

– Этот хрен что, ещё живой? – сказал один из друзей Быка.

– Пусть дальше живёт. Не хочу кулаки перед боем марать.

– Ты же вчера говорил, что разберёшься с ним! Ну, давай, ты ж не балабол.

– Я буду разбираться с тем, с кем захочу, ясно?! – крикнул боксёр, после чего схватил своего друга за горло. – Тебе ясно?!

Бык успокоился, и компания заполнила бар. Кроме них, никого не было. Я надеялся, что никто и не появится, но не тут-то было: через час подъехал знакомый мотоцикл. Идальго непринуждённо подошел ко входу со шлемом в руках и спросил:

– Ну что, Паша, пропустишь меня в клуб?

– Сейчас не до шуток, – прошептал я, хоть и не знал, кто такой «Паша». – Бык здесь.

– О-оу, супер, устроим пресс-конференцию перед боем.

– Ты не понимаешь...

– Э-ээй, а я тя знаю, – сказал один из дружков Быка, вышедший на перекур. – Ты ж был здесь вчера, хе-хе. Ну проходи, чё ты стесняешься?

Я попытался остановить парней, но Идальго дружески оттолкнул меня. Пришлось пойти за ними.

– Брателла, ты слышал, что вчера твоя Танюха с каким-то уродом уехала? – начал один из парней.

Идальго прикрыл рот, но ямочки на щеках выдавали его улыбку. Бык напрягся, подошёл к смелому оратору и спросил:

– И чё?!

– Да то, что вот с этим петухом она уехала, – оратор кивнул в сторону Идальго.

Все двадцать человек окружили его. Я подобрался к эпицентру. Бык уткнулся лбом в Идальго, оттопырил губы и заговорил:

– Ты, значит, переспал с ней!? А?!

– Нет... ты всё не так понял, – сказал Идальго, разводя руками, – мы не спали вместе. Только трахались – спал-то я у себя дома.

Бык уже собирался кинуться в драку, но его опередили. Самый пьяный из друзей с криком: «Ах, ты ж сука ля» – и стаканом в руке попытался ударить Идальго. Юнец уклонился, а пьяница размахнулся так широко, что разбил часть стакана о лицо Быка. Из брови пошла кровь. Боксёр не стерпел и провёл несколько ударов по голове друга, после чего толкнул его ногой. Пьяница отлетел и врезался спиной в железную ножку барного столика. Но Быку этого было мало, поэтому он кинул в лежачего табуреткой.

– Закрывайте бар!! – крикнул боксёр.

Братва обрадовалась приказу. Они свистели, прыгали и

бесновались, как животные. Человек пять побежали баррикадировать двери, а остальные напали на Идальго. Бык хотел присоединиться к толпе, но я встал у него на пути и врезал ему изо всех сил. Боксёр ответил прямым ударом ноги. Я принял стойку и подобрался на среднюю дистанцию. Так он не сможет использовать ноги, колени или локти. Пока у меня были силы, я отвечал на каждый удар Быка. Часть его лица была в крови из-за рассечения, но это не останавливало молодого убийцу. От его кулаков челюсть хрустела, зубы шатались. Я пытался держать стойку, но удары Быка разорвали мою защиту. Странная и хорошо знакомая слабость охватила меня, и я свалился на пол. Бык повернулся и пошёл разбираться с Идальго. Вот бы отлежаться... хотя бы пару секунд... но... тогда этот монстр уничтожит моего единственного друга. Этого нельзя допустить! Пока он дёргался, мне удалось снять с него обувь. Я схватил ногу противника и укусил за пальцы. Белый носок пропитался кровью. Несколько парней били меня ногами. От ударов мне казалось, что рёбра впиваются в органы.

Скоро избиение прекратилось. Прихрамывая, Бык направился к выходу.

– Выспись хорошенько, бычок, – прохрипел Идальго, лежащий на полу, – завтра наш бой.

– Не боишься ласты склеить? – крикнул один из парней, в то время как остальные смеялись.

– А ваш пахан не боится?

– Опять нарываешься, а, дохляк?! – сказал Бык, развернувшись.

– Если не боишься, давай заключим пари.

– Поспорить хочешь, да? Что, от бабла карманы рвутся?

– Тут дело не в деньгах... Я предлагаю спор поинтересней, – Идальго поднялся на локти. – Давай сделаем так: тот, кто завтра проиграет, должен будет выходить в ринг под новым прозвищем.

Молодёжь рассмеялась ещё громче. Каждый предлагал свою версию клички вроде «Петушка» или «Лохопеда».

– Пидорюга, – произнёс Идальго, из-за чего все временно замолчали. – Проигравший станет Пидорюгой.

После некоторых раздумий Бык согласился. Парни ушли, заведение опустело, голова барменши выглянула из-за стойки. Идальго рухнул и спросил:

– Ну как?

– Тебе... надо промыть раны, – сказал я и медленно поднялся.

– К чёрту раны! Для мужчины пот – лучший антисептик! Ты мне вот что скажи: как тебе моё представление?

Я взял табуретку и притащил её к месту, где валялся Идальго. Я сел, посмотрел ему в глаза, но ничего не ответил. Тогда парень продолжил:

– Его ритм слишком предсказуемый, а удары – слишком размашистые. Один контрудар в подбородок – и он труп.

– Он такой же мастер спорта, как и ты...

– Нет! – крикнул Идальго, после чего схватился за горло. – Нет... ему просто повезло. Все его соперники были трусами. Стоило ему пару раз ударить – и всё! Страх парализовывал их. Со мной этого не случится. У меня есть план.

– У всех есть план, пока они не получают по лицу, – ответил я словами Майка Тайсона.

– О-оо, цитируешь классиков? Я тоже помню одну его фразу, – Идальго посмотрел мне в глаза с дьявольской ухмылкой. – «Завтра я искупаюсь во вражеской крови».

– Серьёзное заявление от парня, который лежит на полу. Идальго с трудом поднялся и направился к выходу. Он собирался ехать на мотоцикле, но я не пустил его за руль. Вместо этого мы прошлись до отеля. Я дал Идальго свой домашний телефон и попросил позвонить за час до боя. Юнец очень удивился, узнав, что у меня нет мобильного, а мне было стыдно. Мы стукнулись кулаками и разошлись. Я пошёл домой и лёг спать с чистой совестью. Насчёт будильника можно не волноваться.

Обещанный звонок раздался в семь вечера. Пока я поднимался, телефон замолчал. «Вы не туда попали, Викентия сейчас нет...» – слышался голос из коридора. Я метнулся к телефону и с трудом отобрал его у матери.

– Встретимся в зале! – сказал я перед тем, как положить трубку.

Мать ещё долго боролась со мной, из-за чего пришлось

закрыть её на ключ. Пусть себе орёт в одиночестве.

Я появился в спортклубе раньше времени. Зал для групповых программ был занят. Идальго разминался рядом с беговыми дорожками. Там же стоял Леонид. Увидев меня, юнец подбежал поздороваться. На его лбу красовалась большая шишка, поэтому я спросил:

– Как ощущения? Ничего не болит?

– О себе лучше беспокойся, – ответил Идальго и сделал небольшую паузу. – А ты не говорил, что живёшь с матерью. Это же круто!

То же самое он сказал и в ситуации с мобильным: «Это же круто!» Сарказм был неотъемлемой чертой его характера, поэтому я не обижался. В конце концов, он даже отца подкалывает. Пока мы беседовали, зал освободился. Мы зашли первыми. Через несколько минут появились тренеры. Сначала тренер Идальго, потом наш тренер, а за ними – мужик в белом кимоно. Он работал тренером по дзюдо и был рефери в боксёрских поединках.

Вскоре подошел и судья – администратор клуба, которого я называл «голубок» из-за слишком культурной речи. Голубок ни черта не смыслил в боксе, но виртуозно умел засекал время и кричать: «СТОП». Очки считать он тоже не умеет, поэтому, если боксёры продержатся все раунды, победителем выйдет тот, у кого меньше нокдаунов. А если не было нокдаунов, то «победила дружба».

Судья, рефери и оба тренера беседовали с серьёзным ви-

дом, пока в разговор не влез Идальго. Было скучно, поэтому я решил прогуляться. Возле рецепции послышался голос Быка. Сегодня работала Таня – значит, они опять ругаются. Я приблизился и заметил вчерашних знакомых. Они не были членами клуба, однако очень хотели посмотреть бой.

– Можете пройти по моим пригласительным, – сказал я. – Сколько вам нужно?

– Что, не видишь? Трое их, – ответил Бык.

– Отлично, – я вытащил клубную карту и дал её Тане, – тогда проведи всех троих.

Таня глядела на меня как на сумасшедшего, а Бык с друзьями о чём-то переговаривались.

– Грешки замаливаешь? – сказал боксёр, проводя шуточные удары по моему животу. – Правильно, правильно. Твой дружок вон тоже сегодня у нас прощения попросит. Ещё и как, да?

Компания направилась в раздевалку. Я пошёл за ними, но, услышав грохот, остановился. Внутри, видимо, никого не было (раз парни вели себя настолько развязно). Я встал спиной к двери и приоткрыл её, чтобы узнать возможную стратегию Быка. Их было плохо слышно, но некоторые разговаривали достаточно громко:

– У меня ещё батя в армии так делал, когда на стрелки ходил. Только он их в варежки подкладывал.

– Ха-ха-ха, ну ты баран. Откуда ему в армии гайки достать?

– Заткнитесь, а!

Я догадался о смысле разговора и, собравшись духом, зашел в раздевалку. Парни попытались меня вытолкнуть.

– Я всё слышал!

В ответ раздался голос Быка:

– Держите его!

Двое схватили меня, а третий держал дверь. Из-за шкафчиков вышел Бык, уже в шортах и перчатках. Он зарядил мне в солнечное сплетение. Я проверил свою теорию, хоть и согнулся от боли. Бык подсунул гайки в перчатки! После нескольких ударов наступила темнота. Меня бросили на пол. Бык что-то сказал напоследок, но я ничего не слышал.

Меня подняла уборщица. Ощувив землю под ногами, я вырвался из её цепких рук и направился в зал. Ноги не поспевали за разумом, из-за чего мне не удалось застать начало поединка. Когда я появился, зал был уже набит спортсменами и администрацией клуба.

На ринге происходило настоящее безумие: Бык рвался в драку, а Идальго отстреливался джебами. Юнец продолжал убежать, пока не получил боковой в челюсть. Идальго повернул шею (чтобы смягчить повреждения) и на мгновение оцепенел. Он не успел поднять руки, из-за чего ему пришлось много уклоняться. В это время я подошёл к синему углу, где стоял Леонид, и рассказал ему о жульничестве Быка. Мужчина ответил, что не прервёт бой без согласия сына. Я отошёл и продолжил смотреть поединок. Идальго принял очень

странную стойку: он повернулся к противнику боком и держал обе руки на уровне живота. В таком положении Идальго мог легко уклоняться (и прикрывать челюсть плечом), но нападение у него определённо не клеилось. Атаковать правой было невозможно, поэтому юнец бил только джебы и свинги. Твердолобому Быку удары левой – как слону дробина. Он рвался в ближний бой, но Идальго не подпускал его. Тогда Бык пытался загнать врага в угол, но юнец превосходно чувствовал ринг и всякий раз ускользал. Так и прошёл первый раунд: Идальго постоянно бил левой, а Бык всего пару раз задел его незащищённое лицо. Но какие это были пару раз!

Весь перерыв я наблюдал за синим углом. Леонид не прекращал говорить, а его сын глубоко дышал и приглаживал волосы, затянутые в хвост. Перед началом раунда Идальго вымолвил пару слов, но бой всё равно продолжился. Стратегия юнца казалась сплошной авантюрой, пока не случилось непредвиденное: из правой брови Быка пошла кровь. Из того самого места, которое ему вчера рассекли в баре. Так вот чего добивался Идальго! Он хочет выиграть бой техническим нокаутом! Я уже предвкушал его победу, как вдруг он пропустил ещё один удар. На этот раз Идальго упал на колени. Судья начал считать, а юнец с трудом поднялся. Я вновь подошёл к Леониду и настоятельно попросил закончить бой.

– Я говорил то же самое во время перерыва. Если снять с Быка перчатки, все увидят, какой из него спортсмен, – Леонид глубоко вздохнул. – Дима сказал, что он сам разберётся.

– Да это безумие! Извините, конечно, но его там могут покалечить!

– Я знаю и тоже переживаю. Да что там, я даже на бой не хотел его пускать. Тогда Дима рассказал мне про их спор. Спасибо тебе, что выручаешь моего сына, но сейчас ты должен в него просто поверить.

Теперь мне оставалось только смотреть. Раунд подходил к концу, а Идальго всё так же резво бегал и наносил удары. Рассечение Быка увеличилось. Кровь размазалась по правому виску и стекалась к глазу. В перерыве тренер колдовал над раной бойца, но безуспешно: в третьем раунде кровь потекла с новой силой. Идальго сменил стойку и теперь дрался лицом к лицу. Бык яростно махал кулаками, но так и не достиг противника. После каждого промаха он получал контрудар в глаз. Кровотечение усилилось. Быку пришлось держать перчатку у виска. Тогда Идальго стал провоцировать его: смотреть в сторону, махать руками и даже подзывать к себе. Бык, естественно, не выдерживал и кидался в бой. После чего получал. Кровь растеклась по его глазу и капала с подбородка.

Вскоре раздался женский крик. Это была Таня. Она, видимо, прибежала недавно, так как вначале я её не заметил.

Раунд подошел к концу. Судья разнял боксёров. Идальго вытащил капу и наклонился к противнику. Он показал ему кровь на своей левой перчатке, а затем медленно облизал её. Бык хотел снова кинуться в бой, а Идальго отвернулся и с чужой кровью на подбородке, направился в угол. Там его ждал

тренер, который с самого начала верил в победу своего подопечного. Нет... они не безумцы. Эти двое просто идеально дополняют и чувствуют друг друга... как Тайсон и Кас Д'Амато. Нет, как Александр Македонский и Филипп II.

К углу Быка подошел рефери. Они о чём-то разговаривали, когда боксёр встал и чуть не ударил его. Рефери отошел с испуганным выражением лица. Он прокричал: «БОКС», и бой возобновился. Идальго бросился к противнику. Бык держал обе руки у головы. Его корпус был абсолютно открыт, но Идальго не воспользовался этим, а отбежал назад, встал у канатов и раскачивался на них, как на качелях. Бык кинулся на него, но так и не смог ударить. Идальго, как истинный матадор, дразнил свою жертву, чтобы заставить истекать кровью. После двух минут непрерывного избиения тренер выбросил полотенце. Поединок остановили. Идальго с отцом радовались победе, а Бык стоял в недоумении. Потом он выплюнул капю и перелез через канаты. Навстречу шел тренер. Старик хотел вытереть лицо подопечного, но вместо этого получил два удара по голове. Парни из зала сдержали боксёра, который, несмотря на окровавленную физиономию, всё ещё рвался в драку.

Мне хотелось лично расправиться с Быком, но толпа здоровых мужиков заслоняла проход. Теперь я даже не мог разглядеть мерзавца. С его стороны доносились крики и звуки ударов. Неужели его пропустили к тренеру?

– Быстро отошли отсюда! – раздался голос Идальго. – А

ну скажи им, чтоб свалили.

– Ааааа! Отойдите! Отойдите все отсюда, блядь! – прокричал второй голос.

Все отодвинулись. Мне удалось протиснуться. Бык лежал на спине и корчился от боли. Нога Идальго прикрывала окровавленную часть его лица. Когда ему нужен был ответ, юнец в прямом смысле давил на свою жертву.

– Если ты или кто-нибудь из твоих дружков шевельнётся – останешься без глаза. Сечёшь, сука? – спросил Идальго.

– Ага...

– Превосходно. Сейчас я расскажу твоим фанатам о нашем маленьком споре. Но сначала, Африка,ними с него перчатки.

Я подошёл к Быку и начал стаскивать тяжелые перчатки. Напуганный боксёр не сопротивлялся. В это время юнец говорил:

– Вчера ночью мы поспорили, что тот, кто сегодня проиграет, будет выходить в ринг под новым псевдонимом, – Идальго опустил глаза. – Ты не напомнишь мне, что это был за псевдоним?

Бык глубоко дышал. Юнец надавил на рану, отчего кровь брызнула на пол. Бык орал, но никто не решился помочь ему.

– Я не слышу чёткого ответа! – сказал Идальго.

– Пид...

– Громче!

– Пидорюга, – быстро проговорил Бык.

Спортсмены в зале перешёптывались. Я поднялся с перчатками Быка, но не решился вытащить гайки.

– Видишь? Это несложно. Даже звучит неплохо: «Пидорюга!» – Идальго перевёл взгляд на зрителей. – Теперь вы понимаете, почему он не сдавался? Почему избил собственного тренера? Да что там, он даже во время боя жульничал.

Идальго хлопнул меня по плечу и указал на перчатки. Я вытащил их содержимое. В каждой было по несколько шестигранных гаек. Большинство удивились. Некоторые отвернулись. Идальго показал на меня и продолжил:

– Вот мой следующий противник. Если во время моего отсутствия с ним что-то случится, – юнец опустил взгляд, – я выколю тебе оба глаза и оттрахаю твою бабу так, что она всю жизнь будет называть тебя «Идальго». Понял?!

Бык молчал. Из толпы выбежала Таня. Она покрывала Идальго трёхэтажным матом и лезла в драку, пока парень не оттолкнул её. Идальго отпустил врага и пошёл в раздевалку. Все расступились. Леонид, вместе с судьёй и несколькими мужиками, приводил в чувство тренера. Друзья Быка помогали ему остановить кровотечение. Некоторые побежали за врачом. Таня заливалась слезами, обнимала любимого и громко материла бывшего любовника. Только я пошёл за Идальго.

Глава четвёртая: Африка

Боксёрский матч – это как фильм про ковбоев. Люди платят за то, чтобы им показали, как хорошие ребята бьют плохих.

Сонни Листон

В раздевалке не было ни души, кроме юнца, который промывал свои боксёрки. Он даже не повернулся, когда сказал:

– Я же говорил, что искупаюсь в его крови.

– Почему ты не остановил бой?! – я дёрнул Идальго за плечо. – Он мог оставить тебя инвалидом!

– Он оскорбил мой спорт! – крикнул Идальго и ударил по умывальнику. – Он курит, бухает, кладёт гайки в перчатки. Даже своего тренера лупит! Как бы ты поступил на моём месте? Как бы ты отреагировал, если бы кто-то плюнул твоей матери в лицо? Для меня это то же самое.

– Всё равно... это было слишком опасно.

– Да ладно, – Идальго слегка улыбнулся и направился к своему шкафчику, – у него не было шансов. Во-первых, он плохо передвигался. Ему было больно наступать на левую ногу. Твоя заслуга, Саблезуб. Во-вторых, из-за гаек его удары замедлились. Только слепой не уклонился бы от них. В-третьих, он всё время бил в голову, хотя вчера его дружки в основном мутузили меня по рёбрам. Ударь Пидорюга хоть

раз в печень – я бы тут с тобой не разговаривал.

– И всё же он отправил тебя в нокдаун.

– Не совсем. Я специально упал на колено, чтобы подразнить зверя, перед тем как убить его.

Парень достал из сумки пластмассовую банку, вытащил пару таблеток и закинул их в рот.

– Что это? – спросил я.

– Анальгетики. Хочешь?

Я отрицательно покачал головой. Эта белая баночка без каких-либо надписей не внушала доверия. Идальго тоже его не внушал. Сначала унижение Быка, теперь болеутоляющее...

Юнец пошёл в душ, а я вдруг вспомнил, о чём хотел спросить его. Придётся ждать. В это время раздевалка наполнилась мужиками. Среди них был тренер. Он промывал рот над умывальником и долгое время что-то разглядывал. Ко мне подошел Леонид. Я поздравил его.

– Спасибо, – сказал мужчина. – Кстати, ты сегодня вечером на работе?

– Ну... нет. А что?

– Да мы с сыном хотели отпраздновать в каком-нибудь ресторане. Пойдёшь с нами?

– Я бы, конечно, пошёл, но с деньгами не очень...

– Какими деньгами? Ты мне сына спас, причём дважды, а я тебя платить заставлю? Не шути так. Сегодня пируем за мой счёт.

Я попытался отмазаться, но Леонид настоял. В восемь часов они заедут за мной. Я так сильно обрадовался, что, выйдя из «Титаниума», ещё долго не мог перестать улыбаться.

Однако дома не было времени на радость: надо усыпить мать и найти в гардеробе подходящую одежду. С мамой всё прошло легко, а вот подобрать вещи было сложнее. Исключая майки-алкоголички, спортивные костюмы и шлёпанцы, остались только мешковатый свитер, пара брюк, старый кожаный ремень и пара кроссовок. Нацепив всё это, я подкатал рукава (чтобы не зажариться) и потянул свитер вниз, дабы прикрыть ремень.

В восемь часов я спустился и сел в библикающий «Мерседес». Мы поехали в ресторан с претенциозным названием, который Идальго нашёл в интернете. Там все сразу обратили на нас внимание. Леонид был одет в шикарный костюм и носил несколько массивных золотых украшений. Идальго тоже не подкачал со своей чёрной жилеткой на белой рубашке. Только я неуверенно плёлся за ними, подтягивая рукава. Мы расположились за столиком и просмотрели меню. Я заказал единственное знакомое блюдо – картошку фри.

Идальго рассказывал много интересного, но больше всего мне понравилась история про татуировку. Отец был против этой затеи и решил не давать сыну денег, из-за чего юнец сбежал из дома. Две недели Идальго жил у своей девушки, но денег занимать не стал. Вместо этого он пробился на чемпионат по К-1 в Кишинёве и выиграл три боя подряд (хоть и

не знал, как защищаться от ударов ногами). Денег было более чем достаточно, поэтому юнец отказался от четвёртого поединка. Идальго сделал себе наколку и вернулся домой, но главное то, что благодаря К-1 парня заметил боксёрский менеджер Цыганчик (так его прозвал Идальго). Благодаря связям Цыганчика парня пригласили в Москву.

– И всё-таки что означает эта татуировка? – спросил я.

– Это надпись на английском: «Live Fast, Die Young», то есть: «Живи быстро, умри молодым». Я, конечно, не собираюсь отбрасывать копыта в ближайшем будущем, но и жить со страхом смерти не буду, – ответил Идальго и прошептал: – Я даже похороны свои продумал.

– Только не начинай. Вроде нормально собрались, сидим, отдыхаем, а ты опять свою ерунду врубаешь, – сказал Леонид.

– Ладно, не дуйся, – произнёс Идальго. – Лучше вон суши попробуй.

Леонид успокоился, но стоило ему отлучиться, как парень вернулся к теме похорон:

– Короче, вот что я надумал: труп отвезут сюда, доставят в моё секретное место на Пруте (об этом месте почти никто не знает), положат в лодку, обольют керосином, толкнут лодку ногой и кинут в неё горящий факел. А я буду плыть... и гореть... как падающая звезда, мать её. Но это ещё не всё! В последний путь меня оденут в боксёрскую форму, а на руки натянут перчатки. На шее должны висеть все медали с со-

ревнований, и, что немаловажно, две золотые медали надо положить мне на глаза, чтобы я расплатился ими с паромщиком.

– С кем? – спросил я, нахмутив брови.

– Ну, в древности считалось, что после смерти человек отплывает в другой мир на пароме. Сам он, естественно, не знает, куда плыть. В этом ему помогает паромщик, который за свои труды берёт две золотые монеты. Эти монеты усопшим клали на глаза.

– Вот те на! Какие люди! – раздался посторонний голос.

Я повернулся и увидел знакомую физиономию. Физиономию Серого. Он бесцеремонно сел рядом с Идальго. Юнец спокойно продолжил есть, пока не получил локтем по рёбрам. Лицо парня скривилось. Он уже собирался ответить, но остановился. К столу подбежал Леонид. Он расстегнул пиджак и схватил Серого за шиворот.

– Ты кто такой вообще? – сказал бандит.

– Я его отец.

Леонид кивнул в сторону Идальго, а затем отпустил Серого. Перед тем как бандит успел встать, мужчина оттянул правый борт пиджака и обнажил кобуру с пистолетом. Леонид приказал Серому «поговорить снаружи». Бандит встал из-за стола и медленно направился к выходу. Леонид шёл за ним.

Я разволновался и предложил Идальго пойти за ними. Чтобы успокоить меня, юнец рассказал о прошлом отца:

Леонид был известным в Кишинёве криминальным авторитетом по кличке «Сухой». Отсидев несколько лет, мужчина покончил с преступностью и занялся бизнесом.

Отлично! Теперь Леонид точно узнает о моих делах с Удавом! И о том, что я дрался с Идальго! От этих мыслей я сидел как на иголках. Идальго шутил и накладывал разную еду в мою тарелку, но мне было не легче. Неожиданно я вспомнил вопрос, который собирался задать ещё после боя:

– Слушай, ты сказал, что я твой следующий противник...

– О! Спасибо, что напомнил! Вчера мне позвонил менеджер. Сказал, что через неделю в одном из Кишинёвских ночных клубов проведут турнир по К-1. Там будут ребята из московского клуба. Если я им понравлюсь – возьмут к себе. Но не в этом суть. Меня должны поставить против боксёра, но подходящего ещё не нашли. Поэтому я предлагаю тебе занять это место. Закончим наш бой в настоящем ринге!

От этих слов у меня помутнело перед глазами. Идальго продолжил:

– Цыганчик не против, но сказал, что хочет посмотреть на тебя. Так что собирай свои манатки и жди моего звонка в шесть утра. Поедешь с нами!

– Нет, прости... Я не могу уезжать надолго...

– Да не надолго ты едешь. Батя подбросит тебя в зал, где я тренируюсь (Цыганчик там всем заправляет). Ты покажешь всё, что можешь, и он точно запишет тебя на бой. А потом можешь ехать. Только в день боя чтоб был в Кишинёве, с

тренером и секундантом!

– Не знаю... Ты уверен? Это ведь не просто спарринг, а настоящий бой. Ты можешь выбрать лучшего соперника. Быстрого, сильного...

– Мне не нужен самый быстрый или самый сильный. Мне нужен тот, кто сможет меня чему-то научить.

– Надо же... – сказал я, удивившись зрелости Идальго.

Скоро к нам подошёл Леонид. Я замер. Мужчина сказал, что позвонил Удаву и всё уладил. Таким образом, ни бандиты, ни полиция не помешают поединку. Когда я спросил, как у него это получилось, мужчина добродушно ответил: «Сначала ты работаешь на авторитет, потом авторитет работает на тебя».

Мы посидели ещё минут двадцать, после чего Леонид отвёз меня домой. Всю ночь я не спал. Опять. Я лежал в кровати и жалел о том, что не купил чёртов будильник. Конечно, Идальго позвонит мне утром, но что, если я не проснусь? Теперь, когда мне выпал шанс драться на почти профессиональном уровне с соперником мечты, я не могу облажаться! К тому же звонок может разбудить мать. А вдруг у неё припадок случится? Буду сидеть как идиот и «скорую» дожидаться.

Дабы избежать такого исхода, пришлось караулить телефон с половины шестого, поэтому, когда раздался звонок, я быстро поднял трубку.

– Проснись и пой, о птенчик мой! Батя скоро будет на ме-

сте, так что собирайся.

– Хорошо.

Сумка уже была собрана, а я – одет в привычный спортивный костюм. Думаю, этот менеджер не будет дискриминировать меня за внешний вид.

Я вышел заранее. Скоро подъехал «Мерседес». Я снова сел назад, хотя впереди было свободно.

– Мы подождём вашего сына?

– Нет, он поедет на мотоцикле.

Точно, мотоцикл! Вот я идиот, забыл про мотоцикл!

– Не подумай, что мы жируем, раз катаемся на куче машин, – начал Леонид. – Просто... если уж Диме что-то взбрѣдет в голову, то его не остановишь. Захотел мотоцикл – вот я ему и подарил. Денег мне не жалко, хотя Дима обещал, что вернѣт всё с процентами, когда станет профессионалом. Но я на него не давлѹ.

Когда мы приехали в КишинѢв, Леонид предложил разделиться (ему нужно было на работу). Секция бокса ещё не открылась, а в городе у меня не было знакомых, поэтому я решил остаться в машине. Пока он работал, я отсыпался на стоянке.

В обед Леонид разбудил меня. Мы поехали в спортзал, над которым был большой и красочный баннер с надписью «Спарта» и лозунгом «Для тех, кто хочет сделать себя лучше». Мы зашли в холл. По сравнению с вывеской он казался невероятно блеклым: белые стены, стеклянные двери

(две передо мной, две справа). К каждой из них была приклеена бумажка с оригинальной надписью: «Для качков :)», «Для бойцов :)», «Для прекрасного пола», «Для сильного пола». Леонид пошёл налево и открыл блестящую деревянную дверь с табличкой «Boss» посередине. Я пошёл следом.

В кабинете «Босса» висели два плаката. Один с Тайсоном, второй – с неизвестным бодибилдером. Я выглянул из-за спины Леонида и заметил мужчину в костюме, со смешной бородкой и кожей ещё смуглее, чем у меня. Он сидел в кресле за столом из красного дерева. Перед ним стоял принтер и большой плоский монитор. За мужчиной находилась «Стена почёта» с уймой прикреплённых грамот и медалей.

– Здравствуйте, Кирилл Алексеевич, – начал Леонид.

– Добрый день, Леонид Павлович. Вижу, вы мне кого-то привели. Это случайно не...

– Да, да, он самый. Это – Африка, боксёр из Унген.

Цыганчик окинул меня взглядом. Я подошёл к нему и протянул руку со словами:

– Очень приятно!

– Взаимно... А имя у Африки есть? – спросил Цыганчик, пожимая мне руку.

– Да... Викентий.

– Викентий? Не боксёрское имя. Я бы даже сказал – нестандартное... это тебе только в плюс.

– Ну, я пойду. Работать надо, – сказал Леонид, после чего пожал всем руки и вышел из кабинета.

Цыганчик глядел в монитор, а я не знал, куда себя деть. Спустя несколько минут менеджер заговорил:

– Чего стоишь? Переодевайся и иди в зал.

Я повиновался. Комната «Для бойцов :)» была не больше раздевалки в «Титаниуме». Интерьер был оформлен в традициях секции единоборств. На полу – татами. На стенах – старые шлемы, перчатки и щитки. В углу валялись гантели.

В зале было много молодёжи. Они стояли в кругу, наблюдая тренировку по самообороне. Я присоединился. Было весело смотреть, как один мужик пытается заколоть другого деревянным ножом, а тот в ответ хватает его за руку и медленно выкручивает кисть.

Скоро подошел Цыганчик. Он сказал, чтобы я сначала боксировал с грушей. В зале их было пять – и все разных размеров. Пока я разбирался с каждой по очереди, Цыганчик подыскал мне спарринг-партнёра. Мы дрались в дальнем углу, чтобы не привлекать внимания, но пацаны всё равно оборачивались. Бились мы примерно на равных. Соперник доминировал в начале, но я отыгрался в конце.

После трёх раундов Цыганчик позвал меня на разговор.

В кабинете я вновь стоял как бедный родственник. Менеджер плотно закрыл дверь и указал на стул. Я подтащил его к столу и сел. Цыганчик отодвинул монитор и посмотрел мне в глаза.

– Теперь я вижу, что они в тебе заметили. Вот уж у кого глаз-алмаз, – Цыганчик засмеялся. – Да не парься. Полу-

чишь ты свои сто евро. Бой через неделю в клубе «Пещера». Начало в десять. Вы будете в среднем весе, то есть до 75 килограмм. Дерётесь пять раундов по три минуты. Правила обычные. Тебе, думаю, объяснять не надо. А, и ещё...

Менеджер протянул ручку и два листа бумаги. Я быстро расписался и отдал их. Это был первый «контракт на бой» в моей жизни.

– Можно вопрос? – начал я.

– Валяй.

– Сто евро... Это если выиграю?

Цыганчик рассмеялся ещё сильнее. Он отдышался и продолжил:

– Ну, что ты можешь выиграть? Думаешь, тебя в Кишинёв ради нокаутов позвали? Приди в себя, – менеджер вытащил сигарету из пачки, которая валялась на столе, и закурил. – Всем от этого боя что-то нужно. Малому – пиар, тебе – бабло. А мне нужно шоу. И ради шоу я готов платить. Скажем так: если Идальго устроит нокаут, ты получишь двадцать евро премиальных. А если это случится в четвёртом или пятом раунде, то я вообще накину полтинник. Круто, да?

Я не знал, что ответить. В голове царил туман. Навалилась усталость от бессонных ночей. Хотелось спать, и в то же время болела голова. С каждой секундой менеджер смотрел всё презрительней.

– Только не думай, что, если выживешь всю дистанцию, сможешь сорвать бабло. Судьи не отдадут тебе победу. Об

этом я позабочусь, – Цыганчик продолжил свой монолог, но я услышал только «телефон».

– Ч-что?

– Телефон свой оставь.

– Мобильного нет. Могу продиктовать домашний.

– Не надо. Пусть тебе малый названивает. Он тебя откопал, вот он пусть и занимается. А ты иди давай. Можешь потренироваться, если хочешь. Сегодня бесплатно.

Я пошёл напрямиком в раздевалку, схватил сумку и, даже не переодевшись, выбежал на улицу. Через несколько минут за спиной послышался рёв мотоцикла. Я не остановился, но пошёл медленнее. Звук прекратился. Раздался голос:

– Привет, Африка!

– Да... привет, – сказал я, обернувшись.

Идальго сидел на своём зелёном мотоцикле и крутил шлем в руках. За спиной у него был рюкзак, видимо, для тренировки.

– Ну? Как прошло? Вижу, ты какой-то вялый. Неужели Цыганчик дал заднюю?

– Да всё нормально...

– Уау, – медленно произнёс Идальго, – твоё красноречие не знает границ. Не думал стать писателем? Хотя ладно, потом всё расскажешь. А сейчас – запрыгивай. Подвезу тебя до вокзала.

– Не обязательно. Я и сам могу...

– Я тоже сам могу, но уже давно не занимаюсь, – пояснил

Идальго и бросил в меня шлем, – и надень это.

– А ты как поедешь?

– Как обычно. Да расслабься, я тысячу раз так делал... когда тёлка возил.

Я подошёл к мотоциклу, но не решился надеть шлем.

– Можешь представить, что ты – моя тёлка, – добавил юнец и погладил меня по плечу.

– Да ну тебя! – сказал я, по-дружески отбив его руку.

Пришлось надеть шлем. Пока мы ехали, голова перестала болеть, а туман перед глазами рассеялся. У юнца был талант уничтожать мои сомнения. Таким же талантом обладал тренер... когда-то.

Конечно, Идальго не устроил бы постановочный бой. Он сам сказал, что видит во мне боксёра, учителя. Только Цыганчик считает меня клоуном. Точнее, он считает любого боксёра своим клоуном, а спорт для него – не более чем цирк. Такой прагматик выставит наш бой как противостояние «молодости и опыта». А зрители поддержат его. Они будут любить Идальго и ненавидеть меня. Но нам это будет не важно.

На вокзале Идальго помог мне стянуть шлем. В то время как я покупал билет, юнец мог спокойно уехать, но он дождался меня. Мы вновь разговорились. В конце я попросил у него пару болеутоляющих таблеток, чтобы перед боем быть во всеоружии. Юнец улыбнулся и дал мне всю банку, сказав, что у него «целая куча дома валяется».

Я поехал в Унгены, предвкушая неделю адских тренировок.

Этот день был посвящён восстановлению. Я спал так много, что даже пропустил тренировку.

На следующий день я всё-таки пошёл в «Титаниум». Конфликт Быка с тренером был исчерпан: старик потерял два передних зуба, а Быка больше не пускали в клуб.

В раздевалке я объяснил тренеру ситуацию. Он сказал, что завтра подготовит меня. Сегодня он не собирался проводить тренировку. Голос старика звучал апатично, но я доверился ему. В его случае некоторое безразличие к окружающим – вполне нормальная реакция.

Вместо несостоявшейся тренировки мне захотелось подкачаться. В последнее время я заметно исхудал. Будет плохо, если Идальго выиграет не только в скорости, но и в силе.

Тренировка была тяжёлой. Прежний вес не поддавался мне, а на жиме лёжа я чуть не удушился штангой (какой-то мальчуган поднял её и прочёл мне лекцию о том, что никогда не надо переусердствовать). После этого я перешёл на более лёгкий вес.

По дороге домой мне пришло в голову пробежаться вокруг школьного стадиона. Выдохся я быстро. Даже старики, бежавшие со мной, продержались дольше. Ну и чёрт с ними! Завтра мы с тренером разработаем план тренировок, и тогда никто меня не остановит. Точно! Будет день, будет и пища!

Однако новый день не дал ожидаемых результатов. Тренер был всё так же безразличен. На мои вопросы он холодно кивал головой или поддакивал. В итоге я решил больше заниматься на тренажерах (чтобы нарастить массу) и бегать (чтобы улучшить выносливость). Старик согласился. Следующие пять дней он наблюдал за мной, периодически делая сухие замечания. Когда я просил его пояснить, он махал рукой и говорил: «продолжай». Это был не тот тренер, который в своё время мог «сровнять меня с дерьмом и слепить из этого дерьма боксёра».

Да и я уже был не тем. По правде говоря, эти пять дней убедили меня, что мотивация творит чудеса, только пока ты молод. Сейчас каждый день тренировок – будто худший в жизни: тело ломит, а сил не прибавляется. Анальгетики не помогают. На вкус они похожи на аскорбинки. Однажды я проглотил штук десять – и ничего.

Этот случай стал катализатором моих неудач. Если раньше я говорил себе: «Ничего, завтра у меня всё получится», то сейчас мысли были заняты другим. Зачем Идальго дал мне фальшивые таблетки? Неужели он и правда заодно с Цыганчиком?

Паранойя прогрессировала с каждым днём. К концу недели мне казалось, что Идальго сделал меня своим противником по той же причине, что и Быка: из чувства отвращения. А ведь действительно, за что ему меня уважать? Я предал спорт, стал пропускать тренировки и работать на бандитов. Я

плюнул боксу в лицо. Тому самому боксу, который когда-то спас меня от самоубийства.

Надо бы ещё позаниматься самобичеванием, да вот времени нет. Сегодня – последний день перед боем. Я хорошо отдохнул, пробежался и даже сделал несколько подходов отжиманий. Но когда пришло время тренировки – старик не появился. Прождав два часа, я пошёл к администратору (который ехал с нами в Кишинёв в качестве секунданта). Он также удивился отсутствию тренера.

Мне было известно, где живёт тренер, ведь раньше почти каждая победа заканчивалась гулянкой в его квартире. После тренировки я навестил старика. Из-за двери доносились странные звуки. Пришлось стучать громко. Я уже собирался уходить, когда вдруг услышал: «Хто там?!».

– Это я, Африка... боксёр...

Дверь открылась. Передо мной стоял тренер в мятой алкоголичке и семейниках. На его лице была классическая улыбка алкоголика.

– Ну, проходи...

Тренер остался закрывать дверь, а я направился на кухню, откуда разило спиртным. По телевизору показывали индийское кино (тренер обожал его даже больше, чем эротику). Я присел и оценил «шведский стол» старика. Привычная картина: полупустая бутылка дешёвой водки, тарелка борща, недоеденная рыба и надкусанный батон хлеба. Под столом валяется пустая бутылка пива, а в холодильнике наверняка

есть «сладенькое».

– Ну что, блядей снимаем? – сказал тренер.

Я ничего не ответил. Старик вытащил кастрюлю из холодильника и, слегка раскачиваясь, поставил её на плиту. Он осмотрел каждую конфорку и не раз протёр глаза, прежде чем зажечь одну из них и переместить кастрюлю. Есть я не хотел, но спорить было бесполезно.

– Бухнёшь? – спросил тренер, наливая себе водку.

Я отрицательно покачал головой, а старик произнёс свой любимый тост: «Чтоб хер стоял и бабы были». Он опрокинул рюмку и, скривившись, потянулся за куском рыбы.

– Ну, рассказывай, что пришёл? Думал, сдох твой тренер? Хе-хе-хе. Да я просто отдыхаю, – старик посмотрел на плиту, поднялся и снял кастрюлю с конфорки. Он долго перебирал посуду. Обнаружив подходящую, старик налил в неё борща и, причмокивая, направился к столу. Сделав несколько шагов, мужчина поскользнулся. Он лежал на полу, а содержимое тарелки стекало по его майке.

– Вот те на! – сказал тренер с улыбкой.

Я встал из-за стола. Надо было помочь старику, но мне не хотелось. К тому же тренер был слишком горд, чтобы принять чью-то помощь. Я вышел из комнаты, когда слышался крик: «Подожди!» Если вернуться – ничего хорошего не выйдет. И всё же я вернулся. Тренер отряхнулся, сел за стол и заговорил:

– Ты же поговорить хотел? Так давай поговорим, – старик

замолчал и продолжил, когда я сел: – Ты, значит, с этим пидором будешь драться?

– С Идальго. Ты, кстати, тоже едешь. В семь часов у входа в «Титаниум». Помнишь?

– Завтра, что ли? Ну, ты шустряк. Надеюсь, тебе там хорошо забашляют. Не забудь с тренером поделиться.

Я промолчал, а вот старик не хотел останавливаться:

– Не, ну а что, ты же у нас продаёшься. Сначала Удаву продался, его шестёрка в жопу целовал, а сейчас решил подлизать кишинёвским. Горжусь тобой, бля...

– Да неужели? Всю жизнь мне говорил: «Не чемпионом будешь», а сейчас вдруг гордишься? Да пошёл ты. Иди вон Ваней своим погордись. Может, он тебе ещё один зуб выбьет.

Я поднялся и направился к выходу. Позади слышались неуверенные шаги тренера. Из чувства вины я вновь развернулся (вдруг он себе шею свернёт?). Старик нанёс пару размашистых ударов из странного положения. Я легко уклонился, но споткнулся об обувь и упал. Тренер прыгнул на меня, избивая и приговаривая: «Ты меня в моём доме посылать будешь?!» За этим последовал ряд прилагательных и эпитетов, а в конце пожелание перед боем: «Чтоб ты сдох!» Сначала я не защищался. Только смотрел и терпел удары. Потом я скинул тренера и пошёл домой. Болела челюсть и правая часть лица.

Я сунул ключ в замок и собирался войти, когда увидел соседскую семью. Высокий мужчина, его миниатюрная же-

на и голубоглазый ребёнок выходили из квартиры. Родители не здоровались со мной (как, впрочем, и остальные жильцы подъезда), а вот малыш улыбнулся. Я подмигнул в ответ. Семья, дети... это действительно прекрасно. И в какой момент я отбросил мечты о простом человеческом счастье?

С внутренней стороны обрушился натиск, и дверь мгновенно распахнулась. Толчок был настолько резкий, что я не успел среагировать. Через пару секунд из-за двери протиснулась мать, выкрикивая: «Помогите! Пожалуйста, помогите!» Соседи проигнорировали старуху. А когда мальчик сказал: «Мама, мама, там тётя кричит!», они прибавили темп.

Я затолкал мать в квартиру и, чтобы не ударить, бросил в неё спортивную сумку. Она рвалась к двери, кричала о помощи, звала Викентия. Но Викентия больше нет. Есть только Африка, униженный и опозоренный. Пока я закрывал дверь, мать укусила меня за ухо. Уговоры не остановили бы её – пришлось бить локтем по рёбрам. Она закричала, но больше не лезла. Когда я развернулся, старухи уже не было. С методичностью охотника я шёл по следам безумного зверя и настиг его в зале (она, как обычно, пыталась открыть балкон). Увидев меня, старуха прижалась к стене. Её глаза метались из стороны в сторону. Я подбежал и прикрыл ей рот. Она отбивалась, из-за чего пришлось ударить её пару раз о стену. Одной рукой я крепко держал её за голову, а второй – угрожал ей кулаком.

– Успокойся! Успокойся один раз уже! – крикнул я, раз-

давая пощёчины. – Заткнись и иди спать, мразь старая!

По моей руке стекали её слёзы. На сухой коже влага смотрелась неестественно. Как ручей в пустыне. Я отпустил её, но от этого припадок только усугубился. Пришлось вызвать «скорую». Врачи прошли к ней в комнату, а я ждал, пока они закончат. В результате мать заснула, а доктора сказали присмотреть за ней. Однако её состояние волновало меня меньше всего. Надо было выспаться перед боем, а я лежал на диване и трясся от злости.

Сволочи... Мало того что тренер с матерью в меня никогда не верили, так они ещё и загубили мой прощальный бой. Но Идальго затмил их обоих. Он набивался ко мне в друзья, чтобы унижить перед кишинёвской публикой. Представляю, как он будет давать интервью после победы. Небось скажет что-то в духе Али...

Утром не хотелось даже вставать с постели, но я всё же пробежался. Затем вернулся домой, собрал необходимое и до обеда ничего не делал. Когда мать проснулась, я сбежал из дома (чтобы не сорваться на ней) и часа три лежал на скамейке в парке напротив «Титаниума».

В нужное время я подошёл ко входу. Моя команда в лице Голубка и тренера находилась там. Увидев меня, оба отреагировали странно: администратор ухмылялся и не мог отвести взгляда от моего лица, а тренер, наоборот, спрятал глаза. – И кто это тебя так разукрасил? – спросил Голубок.

Я чувствовал опухоль под правым глазом, но не мог точно

сказать, есть там фингал или нет (из-за отсутствия зеркала в доме). Ну, спасибо, тренер. Поехать на бой с подбитым глазом, что может быть лучше?

– Ладно, я пойду заведу мою малышку, – добавил Голубок.

Он согласился отвезти нас в Кишинёв и обратно. Раньше такими привилегиями пользовался только Бык, но сейчас «звездой секции бокса» стал я. Тренер подошел ко мне, положил руку на плечо и заговорил:

– Ты, это... извини меня. Я вчера «белку» словил, а ты ещё...

Я отбил его руку и ударил в солнечное сплетение. Старик согнулся. Я схватил его за голову и прижал к себе. Если надавить сильнее, можно сломать ему нос о мою ключицу. Старик затрясся.

– Ты мне больше не тренер. Во время боя будешь молча стоять в углу и подавать мне воду. Услышу хоть писк – выбью последние зубы. Усёк? И ещё... я знаю, что этот клоун едет с нами только для вида. Главным всё равно будешь ты. Поэтому говорю сейчас: даже если меня убьют в этом грёбаном ринге, не смей выбрасывать полотенце. Я тебе не Бык. Я тебя, сука, зарежу.

Я оттолкнул тренера и направился к стоянке. На полпути ко мне подъехала разукрашенная «Хонда», больше походившая на авторекламу «Титаниума». Я кинул сумку в багажник и сел вперёд. Тренер расположился сзади и молчал всю

дорогу.

Мы приехали на полчаса раньше, но из-за амбалов на входе не сразу попали в клуб. Голубок пошёл разбираться, а я осматривал экстерьер заведения. «Пещера» оправдала своё название. Стена у входа была настоящим произведением искусства: с одной стороны был нарисован водопад, с другой – зелёный мох, обнимающий камни. Посередине была полукруглая дверь, похожая на расщелину в скале.

Скоро нас впустили и провели в раздевалку. Рядом красились и переодевались молодые девчонки, на которых все засматривались. Постепенно комната наполнилась угрюмыми спортсменами. У каждого из них была своя небольшая свита. Одни боксировали с тенью, другие совещались с тренерами. Некоторые говорили по мобильному, другие флиртовали с девушками. Только я сидел в углу, сжимая кулаки.

Неожиданно среди женского хохота раздался знакомый голос. Я поднял голову. Это был Идальго, как всегда, окруженный женщинами.

– Оставишь телефончик? – спросил он.

– Не знаю, не знаю. Тут много боксёров, – ответила длинноногая блондинка.

– Не сравнивай меня с этой унылой массой.

Боксёры обернулись и принялись сверлить наглое малолетку убийственными взглядами. Некоторые хотели полезть в драку, но секунданты придержали их. Леонид стоял непо-

далёку и был готов вступить за сына.

– Я не только сильный, но ещё и красавчик. Такую смесь не каждый день встретишь, – продолжил юнец.

Диалог прервался, когда пришёл Цыганчик с парой здоровых мужиков в белых майках и весами в руках. Только сейчас боксёры начали переодеваться. Минут через десять мужики в майках стали подзывать спортсменов на взвешивание. Первым вызвали Идальго. Пока он шёл, его толкнули несколько раз. Вторым был я. Весы показали 71,5 килограмма.

– Ну что, качок, сколько там? – сказал Идальго.

Когда я развернулся, он стоял с протянутым кулаком для приветствия. Я ответил: «Сколько надо» – и ударил по кулаку. Юнец ухмыльнулся и отошёл, добавив: «Увидимся в ринге». Леонид хотел поздороваться, но Идальго остановил его. Он уже не скрывал своего отношения ко мне. И слава богу.

Я сидел, опустив голову, когда подошёл Цыганчик.

– Ты что, не мог пару дней морду побережь? – спросил менеджер, исследуя мой правый глаз.

Он отвернулся, добавив: «Баран тупорылый». Цыганчик подошёл через пару минут и принялся маскировать следы побоев с помощью тоналки, пудры и других прибабасов, которые ему удалось выклянчить у девушек. Когда он отошёл, в раздевалке стало заметно меньше людей. Пришлось спросить об этом менеджера.

– Они во второй раздевалке. Противники заходят в ринг

с разных сторон. Так у нас принято, – усмехнулся Цыганчик перед тем, как уйти.

Девушки направились за ним, а я настраивался на бой. Минут через двадцать в раздевалку зашёл парень и сказал, что начинается первый бой. Я хотел пройти, но молодой остановил нас в дверях и пропустил, как только включили музыку.

Мы шли по специальной дорожке, огороженной от толпы зрителей. Зал находился в темноте. Только в нашу сторону бил яркий свет. Атмосфера была превосходной, если не брать в расчёт улюлюканье зрителей. Некоторые смеялись, другие кричали, а третьи и вовсе покрывали меня матом. Один умник даже плеснул мне алкоголем в лицо, но меня это только взбодрило.

Тренер раздвинул канаты. Я пролез на ринг. Конферансье объявил выход Идальго. Музыка сменилась, прожекторы повернулись в противоположную сторону. Под зажигательную песню он подбежал к канатам и, схватившись перчатками за них, выполнил сальто. Публика взорвалась в аплодисментах, а Идальго улыбнулся и поднял руки.

Конферансье что-то говорил в микрофон, хотя, скорее, не говорил, а тупо читал по табличке. Этот мужчина с прилизанными волосами и в чёрном костюме смотрелся как денди в кругу дикарей. Он представил нас, огласил заслуги каждого и упомянул, где мы тренируемся. В это время рефери (тоже весь в чёрном) осматривал меня, потом Идальго.

Конферансье ушёл. Его сменили две девушки в купальниках. Они прошлись вокруг ринга с яркими табличками, на которых была нарисована цифра «1». Я отвернулся и повторял удары перед углом. Блеск этого места не должен ослепить меня! Только не сейчас, когда я впервые иду в бой, как настоящее животное... или как настоящий боксёр.

Тренер указал на центр ринга. Я повернулся. Там уже стояли Идальго и рефери. Я подошёл к ним, выслушал стандартные фразы и в качестве приветствия ударил по перчаткам юнца. Он ухмыльнулся перед тем, как отойти. Я тоже пошёл в свой угол, принял стойку и сжал кулаки. Ну когда же?!

«Первый раунд!» – прозвучал голос конферансье, после чего рефери добавил: «Файт!». Я кинулся на Идальго и начал прессинговать его джебами. Он уклонялся и отбивал их, отвечая своими ударами. Прошло секунд тридцать, а я никак не мог попасть по нему. С каждым промахом раздражение возрастало, а удары становились размашистее. Всё шло по сценарию противника, пока один боковой не достал его щёку. Идальго был у канатов, поэтому я пустил в ход свой прямой правый. В ответ парень нырнул под мою руку и ударил боковым в челюсть. Колени подогнулись. Я упал. Нокдаун.

Рефери начал отчёт. Я встал только на счёте «восемь». Этого времени мне хватило, чтобы перестроить стратегию. Маленький засранец вывел меня, из-за чего я чуть не пошёл по стопам Быка. Целиться в голову сейчас – бесполезно. Сна-

чала надо уничтожить тело.

Когда поединок возобновился, я бил только по корпусу. Идальго прикрывал опасные места локтями, отбивал удары левой (которую не держал у лица), но мне было всё равно. Даже когда он попадал. Я не видел каждого удара, но их количество и скорость не раз заставляли меня содрогнуться. Будь в его кулаках больше силы – второй нокдаун случился бы ещё в первом раунде. Но это всё не важно, ведь... я касался его. Я бил его! По печени, в селезёнку, под сердце... Моя голова была отуманена жадой крови. Она помогала справляться с повреждениями, но помешала разглядеть намерения противника. Когда я понял, в чём заключается его план, – было слишком поздно.

К середине второго раунда мой правый глаз был полностью закрыт. Тогда Идальго стал отходить вправо и наносить удары оттуда. Он будто знал, какую именно часть ринга я не вижу, и каждый раз уходил именно туда. Нужно было повернуть голову, но стоило мне сделать это, и он контратаковал. Сократить дистанцию было невозможно. Прижать врага у канатов – тоже. Пришлось входить в клинч. Сам процесс не особо выручал, но, как только судья разнимал нас, я бросался на Идальго и атаковал в корпус. Затем он снова отходил, а я снова входил в клинч. Снова и снова.

Усталость накапливалась. К концу третьего раунда дыхание стало всё чаще сбиваться. Я вновь вошел в клинч и вновь стал наносить удары в корпус. После попадания в солнеч-

ное сплетение Идальго согнулся и слегка опустил правую руку. Сейчас! Всё или ничего! Я атаковал размашистым апперкотом. Идальго успел убрать голову. Должен был последовать контрудар, от которого я оказался бы на полу, но вместо этого противник сделал пару шагов назад и оказался у канатов. Значит, я попал... Прямо в подбородок, чёрт возьми! Я задержал дыхание и кинулся на Идальго. Первые несколько ударов легко достигли цели. Остальные не нанесли много повреждений, так как Идальго начал поворачивать шею и вертеть головой. А когда я бил по корпусу – он раскачивался на канатах. Воздух в лёгких кончался. Удары не попадали. В порыве отчаяния я провёл широкий апперкот. Идальго нырнул под мою правую и нанёс удар по печени. В глазах потемнело. Дышать! Я открыл рот, после чего получил удар в челюсть. Затем ещё один и ещё... Разглядев перед собой мускулистое тело, я сделал последний рывок и вцепился в него обеими руками. Идальго прошептал: «Это всё?», а я держался и восстанавливал дыхание.

Когда рефери оттащил меня, должно было произойти убийство. Однако Идальго развернулся и пошёл в свой угол. Видимо, прозвучал гонг. В перерыве я велел тренеру спрятать капу (с ней было невозможно дышать). Даже если рефери заметит, он всё равно не остановит бой.

Я дрался, как мог, но скоро оказался в нокдауне. Стоя на одном колене, я уговаривал себя не подниматься. За падение в последних раундах мне обещали неплохую сумму...

но, когда счёт дошёл до восьми, странный рефлекс заставил моё тело выпрямиться. Остатки гордости? Я продолжил, но к середине раунда вновь ощутил нехватку кислорода. Пришлось снова открывать рот и снова пропускать удар.

В следующую секунду я лежал на полу. Рефери стоял надо мной. Я перевернулся на живот и опёрся на локти. Из рта лилась кровь. Должно быть, сломан зуб или даже челюсть. Это конец. Можно расслабиться. Вот сейчас лягу, и никакой боли... нет! Я поднялся на колени, согнул правую ногу и, опираясь на неё, попытался выпрямиться. Тело шаталось, однако в душе я истерически хохотал. Нет, сейчас мне не больно. Гораздо большее будет просыпаться завтра утром... и послезавтра... и каждое утро до конца моих дней. А сейчас мне хорошо.

Я принял стойку. Рефери досчитал до девяти, но не дал команду на бой. Я отмахнулся от его рук и направился к противнику. «Файт!» – крикнул рефери, и бой возобновился.

Удары Идальго всё чаще попадали. Чтобы не задохнуться, пришлось глотнуть собственной крови. От солёно-металлического привкуса едва не рвало. С другой стороны, мне удалось нащупать языком источник кровотечения. Это была губа, которую я прикусил перед нокдауном. Значит – не всё потеряно. Старый план «клинч – удар в корпус» можно было применять снова. Только сейчас рот быстро наполнялся кровью.

Этот кусок губы сильно мешал. В перерыве я откусил его.

Было много крови, но тренер всё вытер. Рефери ошивался у моего угла до самого гонга, поэтому я не успел выплюнуть злополучный кусок плоти.

В пятом раунде Идальго всё так же быстро атаковал, не позволяя мне восстановить силы. Я дождался момента, когда рефери не видит, и выплюнул кусочек губы прямо в лицо Идальго. Противник замер от неожиданности. Перед тем как он пришел в себя, я достал его парой боковых. Ещё один прямой мог довести дело до конца, но Идальго сделал широкий шаг и вновь уклонился под мою руку. Только не сейчас! Пока рефери стоял за спиной, я наступил противнику на ногу. Его тело опустилось по инерции прямо навстречу моему апперкоту. Затем удар и ещё удар! Снова и снова!

Идальго больше не уклонялся. Его тело постепенно сгибалось. Если отшагнуть – он упадёт. Чтобы продлить бой, я зажал врага в углу и бил апперкоты. Его взгляд был растерян, а из носа шла кровь. Мои руки ели держались, всё тело болело, но я продолжал бить, пока один из боковых не пролетел мимо. За ним последовал прямой, но он тоже промазал.

«...койся...» – услышал я сквозь шум. «Успокойся!» – кричал мне в ухо рефери. Идальго отдалялся всё больше. Через пару секунд я заметил на себе руки рефери. Он оттащивал меня от противника. Но что случилось? Неужели раунд кончился? Или стоячий нокдаун? Что?!

Рефери не считает. На ринг поднимаются конферансье и девушки в купальниках. Леонид и его помощник пытаются

привести Идальго в чувство. Рефери поднимает мою руку, а конференсье объявляет: «Победитель Викентий «Африка» Брынзарь». Я сжал кулаки и, словно вор, укравший победу, быстро пошёл в раздевалку. Прожектор не светил в мою сторону. Во рту было сухо. Израненные губы разомкнулись в уродливой улыбке.

Ноги с трудом довели меня до стула. Тренер кинул мне полотенце. Я положил его на лицо. Да... мне это удалось. Я отнял у Идальго часть здоровья и, возможно, разрушил его карьеру. Спасибо рефери, который вовремя не остановил бой, и мягкотелому папаше, который вовремя не выбросил полотенце.

– Где этот мудака?!

Услышав знакомый голос, я скинул полотенце и помахал Цыганчику и его свите. Они приблизились.

– Ты что устроил, а?! Думаешь, самый хитрожопый?

– Думаю, ты мне должен, – ответил я, поднявшись.

Менеджер достал бумажник, вытащил сотню и протянул её мне. Я возмутился. Было бы неплохо вытрясти оставшуюся сумму, но мужики в белых майках не пропустили меня. Когда Цыганчик ушёл, мой секундант хотел пойти за ним.

– Не надо, и так сойдёт, – сказал я и начал переодеваться.

Голубок вышел завести машину, а тренер куда-то пропал. Когда он появился, я дал ему сто евро со словами: «Сними шлюху или залейся водкой». Деньги... фанаты... победа... Я мечтал об этом каждую ночь двадцать лет подряд и только

сейчас понял, что настоящему боксёру это не нужно.

На улице меня встретил старый знакомый: мужчина в широкой рубашке и с солнечными очками на голове. Только один человек мог так безвкусно одеться.

– Если гора не идёт к Магомету, то Магомет сам к ней придёт побазарить, – сказал Удав, рассмеявшись.

С ним стоял крепкий парень в спортивном костюме. Удав предложил пройтись и сказал тренеру не волноваться. Старик почапал, даже не взглянув на меня. Это он позвал Удава. Точно он.

– А ты разошёлся, пока меня не было. Серого с Пчелоедом разукрасил, в баре шороху навёл. С Сухим скентовался. Не, ну я его уважаю. Поэтому ты и целым остался.

Это была обычная стратегия Удава – заговорить жертву и отвести в переулок. Меня отвели в парк. Тогда начался настоящий разговор:

– С Пчелоедом проблем не будет. Я даже тебе разрешу на работу вернуться. Но сначала ты давай отстёгивай. Не зря ж я тебя не трогал до боя. Знал, что победишь, сучонок.

– А у меня... денег нет, – сказал я с улыбкой.

Удав рассмеялся в ответ, затем кивнул в мою сторону и сказал: «Давай». Молодой спортсмен приблизился. Я ударил первым. Он уклонился и хорошенько отмутузил меня. Накопившиеся повреждения дали о себе знать. Я лежал лицом к земле, но всё ещё пытался схватить обидчика за ногу.

– Не передумал? – спросил Удав.

В ответ я оттопырил средний палец вытянутой руки и сказал: «Отсоси у меня стоя, карлик!» Теперь они оба избивали меня. Было больно, но я улыбался. Даже когда моё лицо впечаталось в грязь. Даже когда выплёвывал кровь вперемешку с зубами. Даже когда они помочились на меня перед уходом.

Глава пятая: Леонид

Бокс – это как любимая женщина. Она может быть неверной, она может озадачивать, она может быть жестокой. Это всё не имеет значения, если вы любите её. То же самое между мной и боксом. Он причинил мне сплошные неприятности, но я его люблю.

Флойд Паттерсон

Утро началось с пинка в живот. Полицейский неохотно усадил меня в машину и отвёз в участок. Камера была такой же, как в Унгенах. Не хватало только Идальго. Да, теперь мне его действительно не хватало. Но он, наверное, ненавидит меня. Ну и пусть! Одно поражение не ломает его, а только раззадорит. Идальго станет великим, а я... я буду единственным, кто его одолел!

Когда мне разрешили позвонить, я набрал тренера. К вечеру он меня вытащил. Старик также заплатил за маршрутку в Унгены и по приезде отдал мне большую часть из ста евро. Небось чувство вины замучило. На следующий день я наполнил холодильник едой, а вечером впервые напился. Вместе с тренером. Кто бы мог подумать, что алкоголь так сближает людей.

Моё первое утро после пьянки началось с телефонного звонка:

– Кто это? – спросил я.

– Леонид Сухенко. Отец Димы, с которым ты боксировал.

– Да... конечно, я вас помню.

Что ему нужно? Матч-реванш? Ну, тогда...

– Дима умер.

– Кто? Как... умер?

Голос затих. Подождите... это точно Леонид? Может, кто-то с похожим голосом или...

– Он попал в аварию, когда ехал на мотоцикле. Как раз после боя. Потом сутки пролежал в реанимации и... умер.

Нет. Это невозможно... тут что-то...

– Завтра я приеду в Унгены. Надо похоронить его. Как он говорил: в лодке, с медалями... – голос задрожал. – Поможешь?

– Да... конечно.

Лодка, медали... прямо как Идальго рассказывал. Вряд ли кто-нибудь, кроме меня и Леонида, знает об этом. Но тогда...

– Ещё кое-что. Скажи номер мобильного, чтоб созвониться завтра.

– А... так у меня его нет...

– Тогда будь дома часам к девяти. Я позвоню.

Леонид повесил трубку, а я слушал гудки и плакал. Мне не хотелось в это верить, однако все, кому бы я ни рассказывал (когда снова напился в «Кобыле»), очень легко принимали эту новость. Даже тренер. «Только не думай, что это твоя

вина», – сказал он.

Не винить себя? А кого? Ведь именно я отправил его в нокаут. В грязный, предательский нокаут. Скорее всего, из-за повреждения мозга Идальго отключился прямо на дороге. Или он специально разбился, разочаровавшись в боксе. А я ещё хотел преподать ему урок. Да какой, на хер, урок? Чему я могу научить?

После бессонной ночи было принято важное решение. Утром я купил парацетамол. Оставшиеся деньги ушли на пару чёрных вещей из секонд-хенда. До вечера я ничего не ел. Только смотрел на пачку таблеток.

Вечером позвонил Леонид. Он уже был в городе и собирался заехать за мной. Я вышел и, увидев катафалк, сразу же сел вперёд. Правая рука инстинктивно потянулась к Леониду. «Не здороваемся мы», – ответил он и поехал. Конечно, у него сын умер, а я...

Позади нас была перегородка с окошком. Через него был виден Идальго, лежащий посреди сена в деревянной лодке. Он был одет в свою боксёрскую форму с пламенными шортами и перчатками. На его худощавой груди красовались медали. Значит, мы действительно пустим его на воду и... да какого хера... это я должен лежать сзади. Это я должен был умереть!

– Он рассказал тебе? – начал Леонид. – Рассказал, как хочет быть похороненным?

– Д-да, – ответил я, сдерживая слёзы. – И... с-спасибо,

что позвонили мне. У Димы наверняка целая куча друзей и родственников...

– Значит, он не всё тебе рассказал. Дима хотел, чтобы на его похоронах присутствовали только те, кому он проиграет на профессиональном ринге. А насчёт родственников... так у нас никого-то и нет. Мать его умерла, когда Дима был совсем маленький. Я тогда ещё сидел, поэтому его отдали бабушке с дедушкой. А когда я пришёл... он был таким слабым, таким незащищённым. И всё время сбегал на озеро. Я волновался за него, а он сидел там один.

Так вот оно что. Идальго не издевался, когда говорил: «Это же круто!» Он действительно завидовал, что у меня есть мать. Он действительно относился ко мне как к другу.

– Он винил меня в смерти матери, – продолжил Леонид. – И он был прав. Херовый из меня муж. Херовый отец.

Мне хотелось его переубедить, но всё, что я мог – это повернуться к окну и захлёбываться слезами.

Место у реки было действительно безлюдным. Леонид остановил катафалк и попросил помочь вытащить лодку. Тело гудело, но я только смаковал эту боль.

Мы оставили лодку у реки. Леонид закрыл глаза Идальго двумя медалями и пошёл за керосином. Я смотрел на это исхудавшее лицо, на заострённый нос... на трупные пятна, на распущенные волосы и щетину... Теперь он не выглядел как милостивый юноша, а скорее как павший воин.

Леонид не появлялся. Когда я подошёл, он стоял за ма-

пиной и дрожащим голосом повторял: «Я не могу...» – «У нас ещё есть время», – сказал я и тут же упрекнул себя в бездушности. Как я вообще могу с ним говорить? Как мне смотреть ему в глаза?

В итоге мы сели на траву и поддались эмоциям. Вытирая слёзы, я спросил:

– Как это произошло?

– После боя Дима еле очнулся. Пришлось нести его в раздевалку. Я вышел, чтобы позвать врачей. Тогда меня встретил этот мудака Цыганчик и начал что-то предъявлять. Я, конечно, поставил его на место, но, когда я вернулся в раздевалку, Димы уже не было. Он переоделся и уехал на этом грёбаном мотоцикле. Я молился, чтобы он остался цел, но... когда я увидел его, Дима лежал в больнице с переломом основания черепа. Мой сын жил на аппаратах, а я стоял перед ним и ничего не мог сделать. И так всегда... когда его мать умерла... Когда его били в школе... Когда он сбежал из дома... Не зря он так тщательно свои похороны продумал. С таким жалким отцом он, наверное, чувствовал, что...

– Нет. Это я виноват. В-во время боя...

– Успокойся, – перебил меня Леонид и ударил по плечу. – Если кто и мог как-то подействовать на Диму, так это ты. Всю неделю перед боем он не выходил из зала. А если выходил – то только на пробежку.

Мужчина закурил и предложил начать похороны. Было уже темно, однако я хотел ещё поговорить. Леонид согласил-

ся. Он рассказал о том, как привёл Идальго в секцию бокса, как малыш стал мастером спорта и разочаровался в любительском ринге, как его чуть не отчислили из-за пропусков, как Идальго попал в больницу с пневмонией и на следующий день уже отжимался.

Тогда я убедил Леонида не участвовать в поджоге. Он согласился, объяснил, что делать, и напоследок вручил мне белую пластмассовую банку.

– Там витамины, положи их к Диме. Он называл это «психологический допинг». Он пил их после тренировки, чтобы вроде как обманывать организм и не уставать. Я говорил ему, что это глупость... но он всё делал по-своему.

Какой же я идиот! Так обозлился из-за пачки витаминов. Прости меня, Идальго. Прости!

Я взял керосин, спички и направился к Идальго. Тело было плохо видно. Пришлось ориентироваться по запаху. Залив лодку керосином, я подтолкнул её в воду. Можно было бросить пару спичек и отойти, но мне хотелось сделать всё идеально. Я зашел в воду по колена, разжег огонь в разных местах и продолжал двигать лодку. Потом сделал последний толчок и смотрел. От запаха горелого мяса меня тошнило, а дым резал глаза, но я не отворачивался и не моргал. Неожиданно в горящей лодке я увидел смуглое тело со шрамом на плече и кучерявыми волосами. Вот идиот...

Я вытащил парацетамол из кармана и стал глотать одну таблетку за другой, запивая их водой из Прута. Несколько

штук вывалилось из рук, но остальные, несомненно, подействуют. Да... пусть мне будет плохо! Пусть мои кишки вывалятся наружу! Слышишь меня, Бог?! Если ты и правда есть, то утащи меня в Ад! Пусть он смотрит на меня сверху! Пусть он видит мои страдания!

Перед глазами темнело. Я с трудом дошел до берега и свалился. Сил больше не было. Так это и есть смерть? Ни тебе моментов из жизни, ни тоннеля со светом. Только усталость, холод и хочется быстрее заснуть. Как в нокдауне. Но теперь я могу не вставать...

Яркий свет. Всё так расплывчато... Кто-то смотрит сверху. Как тогда, в нокдауне. Я лежал на спине, судья досчитал до семи. Я чудом поднялся, но всё равно проиграл. Стоп. Я лежу на высокой кровати в окружении пациентов и медсестёр. А значит, я всё ещё жив.

Помимо тошноты и боли меня мучили обрывки воспоминаний. Собрать их вместе получилось только со слов врача. Оказалось, в больницу меня привёз Леонид. Он ждал всю ночь, пока меня откачивали. Потом, когда мои почки чуть не отказали, он заплатил, чтобы меня перевезли в другое отделение и сделали гемодиализ.

– Так что ж вы выпили? – спросил доктор Птичий Клюв (его имени я не запомнил).

– Парацетамол... упаковку...

– Теперь понятно, откуда резкое повреждение почек. Вы

ещё сможете пожить на диализе, но я бы рекомендовал пересадку.

Птичий Клюв не умолкал, хотя мне было неинтересно. Через пару часов пришёл Леонид.

– Ну, как ты? Лучше? – сказал он.

– Да, спасибо большое. Только не надо было тратиться. Мне же нечем возвращать...

– Да ну, брось ты. Я поговорил с врачом. Толковый мужик этот носатый. Прямо сказал, мол, так и так, пересадка нужна. Деньги, конечно, немалые, но ты не переживай. Прорвёмся.

– Послушайте, я очень благодарен, что вы спасли меня. Не знаю, что вам сказал доктор, но... я не утонул и не задохнулся от дыма. Я хотел покончить с собой. И... вы как раз не должны были меня спасать. Потому что если бы не я, ваш сын...

– Успокойся, – Леонид подсел ближе и сбавил тон. – Я всё знаю. Цыганчик рассказал мне, что случилось. Может, то, что ты сделал, было неправильно, но знаешь, боксёры тоже не ангелы. Дима вон того парня из твоего зала чуть без глаза не оставил.

– Да, но...

– Подожди! – мягко перебил Леонид. – Может, мой сын не лучший пример, но одно я тебе точно скажу: Дима не был трусом и он не сдавался без боя! Поэтому и ты должен бороться! Если хоть немного его уважаешь.

Я молчал. Леонид продолжил:

– Дима ведь уважал тебя. Даже тогда, между раундами, я говорил ему отдышаться, а он всё тебя нахваливал. Так что давай лечись и не раскисай, как баба.

– Да, вы правы, но всё равно... на диализе мне пару недель осталось. А пересадка стоит тысяч тридцать.

– Насчёт этого не беспокойся. Деньги есть. Ещё когда Дима в больнице лежал, мне сказали, что могут понадобится средства на операцию. В общем, я накопил сумму, а когда его не стало, думал на благотворительность отдать. Но так-то уж лучше живому человеку помочь, тем более у нас в стране такая благотворительность, сам знаешь, – Леонид передохнул и снова заговорил: – Короче, операцию лучше делать за границей. На крайняк можно в Кишинёве, но там геморроя побольше. Так мне врач объяснил.

– Ну, загранпаспорта у меня нет. К тому же надо кому-то присмотреть за мамой. Она ведь с голоду умрёт без меня.

– Так ты попроси кого-нибудь. Друзей там, знакомых.

Единственной кандидатурой был тренер. Я позвонил ему (с мобильного Леонида), и он сразу приехал. Старик взял у меня ключи и согласился на роль домохозяйки. Более того, он навещал меня каждый день и не задавал неудобных вопросов.

В это время Леонид договаривался с кишинёвской больницей. Через неделю он перевёл меня туда, в отделение уро-нефрологии. Там нас ожидало большое разочарование: без родственного донора операция невозможна. Если за грани-

цей практикуют трансплантацию за деньги или извлекают органы из трупов, то у нас это не принято. Вариантов практически не было, но Леонид не сдавался. В один из дней я рассказал ему о тёте, которую не видел с самого детства. Тогда он поехал в Унгены, чтобы навести о ней справки. Пока его не было, моё состояние резко ухудшилось. Я даже думал написать предсмертную записку, но лист и ручку мне так и не принесли. А жаль. Мне так хотелось поблагодарить Леонида. Хотя бы за то, что в этот раз я умру с удобствами.

Следующие несколько дней прошли как во сне. Всё вокруг было расплывчато, кроме одной мысли: «Мне надо выжить». Скоро меня навестили тренер с Леонидом. Их приход должен был образумить меня, однако в голове продолжало трезвонить эхо отчаяния: «Мне надо выжить. Ради вас мне надо выжить». Потом у меня стали брать анализы, и я наконец понял, что операция состоится.

Но кто будет донором? Вряд ли им удалось связаться с тёткой. А может, Леонид, как бывший преступник, нашёл почку на каком-нибудь чёрном рынке органов? Хотя... какая разница? Главное, что я выживу.

С этой мыслью я заснул и с ней же открыл глаза после операции. Весь день меня окутывала эйфория. Даже тошнота не испортила настроение – ведь это был последний наркоз в моей жизни, чёрт возьми! Только на следующий день я вспомнил свой наболевший вопрос:

– Извините, может, вы мне это говорили, но я не помню...

Кто стал донором?

– Донором стала ваша мать, Наталья Максимовна Мари-ковская, – ответил врач.

Эти слова действовали сильнее, чем наркоз. Я агрессивно убеждал доктора в его неправоте, а он отмалчивался и под конец вовсе сбежал. Оказывается, мать тоже находится в больнице. Наверняка не в лучшем состоянии. Ещё бы, в её годы стать донором! Как она вообще согласилась на это? Только Леонид мог разъяснить ситуацию:

– Когда тебе стало плохо, я действительно поехал в Ун-гены. Но прежде чем искать дальних родственников, я решил поговорить с твоей мамой. Этот твой тренер, Коля, провёл меня к ней, и вместе мы уговорили её поехать в Кишинёв. Несколько раз она забывала, зачем едет. Тогда мы напоми-нали ей о больном сыне, и она не возмущалась. Она очень хотела на тебя посмотреть, но ты был в реанимации, поэтому её сразу отвели в отдельную палату.

– И... как она сейчас?

– Ну, пока врачи мне ничего не сказали. Сам понимаешь: в таком возрасте перенести операцию... в любом случае, не волнуйся. Тут за ней присмотрят. Обычно доноров не остав-ляют больше двух недель, но я обо всём договорился. Так что ты лежи, выздоравливай, а как встанешь на ноги, так сразу с мамой и уедете.

После этого диалог перестал быть конструктивным, так как я то и дело перебивал, задавал кучу вопросов и рассу-

пался в благодарностях. Через пару дней мне сказали, что мать пошла на поправку. Это и нескончаемая поддержка Леонида сильно помогли мне.

Не зря говорят: яблоко от яблони... что отец, что сын... оба сделали для меня так много. Если бы я только мог отплатить им тем же! Но Леонид ничего не просил взамен. Более того, он запретил врачебному персоналу посвящать меня в стоимость операции и затраты на лечение.

Когда мне наконец разрешили прогуляться, я первым делом направился к маме. Она спала. В её палате было ещё три пожилых дамы, которые тоже отдыхали. Я тихо подошёл к матери. Она была такой слабой и беспомощной, но она спасла мне жизнь. Я опустился на колени и прижался губами к её худой, морщинистой руке. Мне столько хотелось ей сказать, но из каменных уст вырвались только извинения. Я положил её руку обратно под плед и, вытирая слёзы, пошёл в свою палату.

С тех пор, как я вернулся в Унгены, меня больше не посещают депрессии. Да и как можно грустить, когда столько людей тебя любят? Да... они меня любят. Они даровали мне жизнь просто так. Без всякой причины.

А я...

Я нашёл работу. Тренер уволился из зала, поэтому меня взяли на его место. Платят мне, конечно, меньше, но с моим неоконченным образованием и инвалидностью такая работа

– манна небесная. С тренером поддерживаем связь (хотя беседы стали скучнее в отсутствие алкоголя).

С Леонидом мы тоже встречаемся. Он помог мне окончательно обрубить мосты с Удавом и переоформить мамину квартиру на своё имя (чтобы позже обменять её на тесную лачугу в бедном районе). Половину вырученной с обмена суммы я отдал Леониду, а остальное положил в банк и периодически трачу на лекарства и диализ (которые должны быть бесплатными).

Маме было сложно привыкнуть к новой обстановке, однако истерики происходят реже. Возможно, потому, что вместо снотворного я даю ей таблетки, предписанные врачом. Или потому, что я уделяю ей внимание и обхожусь с ней тактичней и уважительней.

Что до меня, то я изменился. Больше не лезу в драки (так как один удар может мгновенно подорвать моё здоровье), не пью и не матерюсь. Поиски смысла жизни прекратились. Появилась любовь к обществу, особенно когда обучаю молодёжь в зале. Узнал, как пользоваться компьютером (этому меня научил девятилетний пацан в интернет-кафе). Так я увидел статью «Как ухаживать за больными Альцгеймером» и узнал, что такое «фейсконтроль». Стал читать, как в юношеские годы. Думаю написать книгу в память об Идальго.